

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПРАКТИКА. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД.
РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО СЕРИЯМ РЕГИСТРОВ И НОТАРИАЛЬНЫМ МИНУТАМ.

Сквозь практику к человеку

Одним из итогов предшествующей главы был вывод о необходимости интериоризации в историческом объяснении. Для того, чтобы продолжить наши реконструкции, настала пора взглянуть на ситуацию с точки зрения самих французов XVI в., которые составляли свои нотариальные акты, а затем регистрировали их в Шатле. Как все это осуществлялось ими на практике? Какие реальные цели при этом преследовались? Какие чувства испытывались и как они выражались?

Эти три вопроса связаны между собой самым тесным образом. Мы уже сталкивались в предыдущей главе с некоторыми мотивациями актов, воспроизведенными издателями, например, “*чтобы помочь сыну содержать себя в парижских школах, ради любви к нему, а также чтобы сын стал порядочным человеком (homme de bien)*”, как объясняет свое дарение лицензиат Рауль Шаль¹; или “*принимая во внимание крепкие и совершенные дружеские чувства, которые к ней питает указанный сьер де Дорми, её муж, с тем, чтобы дать ему лучший повод для продолжения этого*”, как объясняет изменение брачного контракта в пользу супруга Клод Серр, дочь первого президента Дижонского парламента². Если от публикации перейти к оригиналам, то мы увидим, что в актах очень часто речь идет о выражениях чувств, о “*доброй склонности*”, “*сыновней любви*”, о надеждах и расчетах, а то и об угрозах составителей актов. Эти формулировки производят сильное впечатление. До сих пор вспоминаю то потрясение, которое мне довелось испытать, когда я впервые столкнулся с оригиналом нотариальной минуты. Вдова парижского буржуа Масе Ле Пелетье “*считает, что нет ничего, в чем можно быть более уверенным, чем смерть, и нет ничего, в чем можно быть менее уверенным, чем ее час; не желая уходить из мира сего без завещания и имея мысль выразить свою последнюю волю во имя Отца, Сына и Святого Духа, как добрая католичка, она вверяет свою душу Богу и преславной Деве Марии и господину Михаилу Архангелу и всем святым рая. Далее желает указанная завещательница, чтобы ее долги были оплачены, ее ошибки*

¹ IRI. 524.

² IRI. 2265.

исправлены и искуплены, далее желает указанная завещательница, чтобы ее могила была на кладбище Невинноубиенных по левой стороне от Девы Марии...³ Разобрать за закорючками скорописи взволнованный голос парижанки XVI в. — в этом виделось прикосновение к чему-то чрезвычайно важному.

Но вскоре стало ясно, что я столкнулся тогда с одной из весьма распространенных нотариальных формул, повторяемой из документа в документ без особых изменений.

Кому же принадлежал голос, услышанный мной в читальном зале Национального архива? Нотариусу (в данном случае хозяином конторы, расположенной вблизи Крытого рынка, был Франсуа Имбер (Ymbert)), какому-нибудь из его клерков или же анонимному автору того печатного или рукописного свода нотариальных формул, что оказался под рукой при составлении акта? А сама Масе Ле Пелетье, влияла ли она хоть как-то на этот процесс, можно ли усмотреть в данном акте какие-то ее личностные черты? Можем ли мы пробиться если не к тайнам женской души этой почтенной особы, то хотя бы к прагматической стороне ее поступков?

Для этого, прежде всего, нам надо хотя бы в общих чертах обрисовать практику составления нотариального акта. Проследуем за средним парижанином в нотариальную контору.

§ 1. Как составлялся нотариальный акт в Париже XVI в.

Выбор нотариуса. — Работа над текстом акта. — Откуда брались формуляры. — Оплата услуг нотариуса. — Подтверждение прав участников сделки. — Пример университетских дарений. — Регистрация документа в Шатле. — Волеизъявление дарителя: принуждение формы или диктат нотариуса?

Нотариусов в Париже было много. За период с 1500 по 1561 г. в Париже было открыто 129 контор. Речь идет только о тех из них, чьи архивы сохранились, а по моим оценкам в состав центрального хранилища нотариальных минут не включены сведения еще примерно о 30-40 конторах⁴. Это, конечно, не означает, что все 129, а тем более 180 нотариусов действовали одновременно, одни конторы закрывались, другие приходили им на смену. Но о 70-80 нотариусах Шатле, действовавших в Париже единовременно, мы можем говорить вполне определенно. Во всяком случае, просматривая дарения,

³ AN. MC. XX.41 (16.04.1548).

⁴ Об этом мы будем говорить в следующем параграфе.

адресованные студентам и зарегистрированные в Шатле с 1548 по 1559 г. (время правления Генриха II, серии Y 93–Y 100), я выяснил, что эти 426 актов были составлены в 119 различных конторах.

Какого нотариуса мог выбрать наш средний парижанин? К счастью для историков, парижане часто оказывались достаточно консервативны в своем выборе, предпочитая из года в год посещать одну и ту же контору. Нотариусы времен Старого порядка, да и современные их коллеги, передавая или продавая контору своему преемнику, продают, собственно говоря, три вещи — должность (за которую надо было платить королю в лице гражданского лейтенанта Шатле), “инструменты” (в данном случае не только обстановку конторы и необходимое оборудование и книги, но, главное, связки хранимых в ней нотариальных минут и книги регистров) и, наконец, “практику”, то есть постоянный круг клиентов. Последнее считалось и считается самым ценным⁵. Поэтому, если мы знаем, у какого нотариуса был составлен хотя бы один акт, то мы смело можем предположить, что и другие акты интересующий нас парижанин составил у него же, или у его преемников. Иногда все же фактор территориальной близости оказывался важнее, парижанин перебирался в другой квартал и вел дела уже у другого нотариуса. Могли быть и иные мотивы — профессиональные привычки, например. Так, каноники Нотр-Дам и советники Парламента предпочитали контору Шарля Баро. Возможно, между нотариусами была и некая специализация, одни могли лучше разбираться в завещаниях, другие в брачных контрактах, третьи лучше других знали, как составить акт о продаже должности, поэтому в особо запутанных делах обращались именно к таким “специалистам”. Впрочем, это остается пока лишь гипотезой.

Итак, человек, желавший составить свой акт, приходил в контору. Нотариус не имел права отказать в приеме кому бы то ни было. Правда, никто не мог принудить нотариуса прийти на дом, нотариус мог согласиться на это “лишь в силу своей любезности”. Исключение делалось лишь в случае необходимости

⁵ Напомню, что, к сожалению, не всегда все три элемента передавались в одни и те же руки, это необычайно осложняет жизнь архивистам и историкам.

спешить к умирающему, чтобы зафиксировать выражение его последней воли — в этом случае нотариус не мог отказаться без уважительной причины⁶.

Если бы дело происходило в провинции, то, чтобы составить какой-нибудь важный документ, клиенту потребовалось бы привести с собой свидетелей. Но парижские нотариусы пользовались таким авторитетом, что две их подписи под актом заменяли все свидетельские показания⁷. Поэтому на актах, зарегистрированных в Шатле, стоят две подписи нотариусов. Очевидно, владелец конторы приглашал своего второго коллегу, делясь с ним частью гонорара. Как правило, нотариусы образовывали довольно устойчивые пары⁸. Весь вопрос в том, у кого из них хранилась минута (контрольная копия акта). Как показал опыт, в большинстве случаев хозяин конторы, оставлявший минуту у себя, ставил свою подпись вторым, хотя иногда и бывали редкие исключения⁹.

Если смотреть только нотариальные минуты, то может создаться впечатление близости нотариальной практики XVI века и современности, минуты обычно сразу начинаются с имени составителя акта. Но полные тексты — гроссы, а именно они выдавались на руки сторонам и именно их копии предоставлялись в суд или в Регистры Шатле, дают иную картину. Подразумевалось, что акты составляются от имени главы местной королевской юстиции. Так, изученные мной парижские акты часто начинались с преамбулы: “*Всем, кто увидит настоящую грамоту, Антуан Дюпра, шевалье, барон Тье и де Вито, сеньор де Нантулье и де Преси, советник Короля, господина нашего, ординарный дворянин его покоев и хранитель королевского превотства города Парижа*”¹⁰,

⁶ Ими являлись угроза заразиться, угроза для жизни или чести нотариуса или болезнь его самого. Le Protocole: L’art et stille des tabellions notariis. Paris, 1550. ? . 17 v.

⁷ Ibid. P. 11.

⁸ См. Приложение к § 2.

⁹ Поэтому коллеги, собирающие данные о том или ином персонаже, имея на руках лишь один из его нотариальных актов, просматривают затем сохранившиеся связки минут контор обоих нотариусов, заверивших акт.

¹⁰ Мы переводим его должность, как “королевский прево Парижа”, однако слова “хранитель превотства” указывали на то, что Дюпра не был собственником должности, а был назначен на нее королем (и, соответственно, королем мог

привет! Настоящим даём знать, что перед Пьером Де Преслем и Клодом Беро, нотариусами, утвержденными Королем, господином нашим, в его Шатле города Парижа, явились собственной персоной...” и далее следовало перечисление участников сделки.

Разумеется, ни могущественный Антуан Дюпра (тезка и племянник знаменитого канцлера Франциска I, одного из выдающихся теоретиков и практиков французского абсолютизма), ни какой-нибудь лейтенант бальяжа или сенешальства, если речь шла о провинциальных актах, в действительности и не подозревали о том, что кто-то составил данный акт, речь шла о чистой формальности. Однако формальность эта соблюдалась и означала, что данная сделка освящена авторитетом королевской власти, делегированной главе королевской юстиции в Париже или в провинции.

В заключительной части акта содержались многочисленные закрепительные формулы, в которых монотонно повторялись обещания сторон отказаться от взаимных притязаний (в данном случае — от притязаний на передаваемое имущество), обещание не оспаривать своего зафиксированного в акте волеизъявления в суде, “гарантировать” законность сделки. Все эти фразы также были формальностью (в минутах они опускались полностью, а в регистрах Шатле, которые вообще-то велись хорошим почерком, они абсолютно неудобочитаемы, изобилуя титлами и аббревиатурами), но тем не менее, они придавали актуенную торжественность и публичный характер, призывая в свидетели и гаранты в конечном счете самого короля (а, быть может, коль скоро речь шла о клятве¹¹, то и небесные силы).

Таким образом, нотариальный акт, по определению, был делом сугубо публичным, даже если составитель акта оставался один на один с нотариусами.

Впрочем, раз речь шла о дарениях, то являться надо было вдвоем: закон требовал присутствия не только традента (*donateur*), но и реципиента (*donataire*), которого могло заместить его доверенное лицо — прокурор или опекун (если

быть снят в любой момент в отличие от офисье, заплативших за свою должность и практически несменяемых).

¹¹ Клятва могла обозначаться словами — *foy, serment, foy et serment, foy et serment de son corps.* Y 100 f 77v.

речь шла о несовершеннолетней персоне)¹². Передавая то или иное имущество, нужно было предъявить документы (“instruments” или “lettres et tiltres”), подтверждающие наличие соответствующих прав.

Вероятно, из этой практики были и исключения, но нотариусы должны были проявлять бдительность, ведь в случае заведомого обмана на них могло падать обвинение в составлении незаконной сделки¹³. Поэтому достаточно часто нотариусы вставляли оговорку: “*по словам дарителя*”, стараясь тем самым снять с себя ответственность или прямо указывали на отсутствие документов.

Так, например, в 1544 г. некий Пьер Буссар, экюье, сеньор де Сет-Фонтен, что в Гатинэ, “*в настоящее время находящийся в постели больной, ... но все же в здравом уме и понимании, как показалось низеподпишавшимся нотариусам по его словам и поведению, заявляет о дарении... почтенному человеку Николя Филону, королевскому сержанту юстиции Нотр-Дам-де-Шамп, при сем присутствующему,... 5 арпанов земли в держании Фруассан,... обязаные обычными по местной кутюме феодальными правами*”. На полях имеется вставка, уточняющая принадлежность и местонахождение передаваемого участка, который является частью “*из куска в сорок с половиной арпанов, ему принадлежащих, по его словам*”. Нотариус подчеркивает некоторое свое сомнение, которое вскоре разъясняется: даритель просит сержанта, “*чтобы том поверил лишь его простой клятве без прочих доказательств*”. Пьер Буссар, прикованный к постели, разъясняет, что “*по поводу этого имущества ведется тяжба в Шатле, и все документы и материалы процесса его поверенный должен передать указанному Филону*”¹⁴.

¹² Право признавало два типа дарений — по случаю смерти (завещательные), чья регистрация в Шатле была необязательной, и дарения между живыми, где требовалась не только регистрация но и присутствие двух сторон. *Ferriere C. La science parfaite des notaires ou le moyen de faire un parfait notaire*. Paris, 1682. P. 285.

¹³ Как пишет Пуассон, совмещавший исследования истории нотариата с собственной нотариальной практикой, при составлении сделки, нотариус всегда прикидывает в уме, какой срок он может получить за нее.

¹⁴ *et veullt que iceluy donateur en soit creu a son simple serment sans un autre preuve faire et aussi que tel est son plaisir Et en ce faisant led. donateur consenti et accorde consent et accord par ce present que toutes et chacunes les proces et procediures soient bailles et delivres par son procureur en proces et autres qu'il appartient aud. Filon donataire. Y 90 f. 9 v.; MC. LXXIII. 5 (2.09.1544).*

Эта история, имевшая немало любопытных подробностей, позже будет рассмотрена более детально. В данном случае нам важно, что документальные подтверждения — instruments — обычно должны были предоставляться составителями актов. Поэтому, если в искренности намерений дарителей мы вправе сомневаться, то возможности для прямого обмана, например, составления фиктивного дарения, были ограничены. Это повышает достоверность источника.

Но для нас в настоящий момент важнее установить, как шла работа над документом, кто же в конечном счете был автором текстов.

Теоретически нотариус или его клерк должны были записывать слова клиента, придавая им форму в соответствии с действующими юридическими нормами. На деле же речь, скорее всего, шла о выборе готовых формуляров, предлагаемых на выбор клиенту. Впрочем, некоторые дарители приходили в контору с уже готовыми актами. Их составляли либо они сами (если они были достаточно образованы) или кто-нибудь из тех, к кому они обратились за помощью. Так, например, нормандский сельский дворянин, сир де Губервиль, автор знаменитого “Дневника”, повествует о том, как он составлял прошение. Это заняло у него целых четыре дня, он обсуждал с живущим по соседству королевским секретарем его форму, набрасывал черновики, платил клерку за чистовые варианты¹⁵.

Среди нотариальных минут порой попадаются свидетельства о таких, заранее заготовленных, “болванках”, нотариусы использовали этот текст в качестве черновика и затем из экономии (чтобы не писать нового черновика, коль скоро эту обязанность нотариус, согласно королевским ордонансам, исполнял бесплатно¹⁶), подшивали к связкам минут, хранящимся в конторе.

Так, например, мэтр Пьер де Шатель, доктор медицины, и его супруга предъявили нотариусу Франсуа Карто первоначальный вариант акта, составленный, надо отметить, весьма профессионально, возможно, им помогал кто-нибудь из стряпчих. В их варианте есть обычное для гроссы обращение от

¹⁵ *Gouberville G. de. Le journal du sire de Gouberville / Ed. E. de Robillard de Beaupaire. Caen, 1893. P. 248.*

¹⁶ *le treize reigle est que tous tabelions et notaires facent fidellement registres et prothocolles de tous les instruments et contracts qu'ilz passeront sans prendre le plus grande salaire // Le Potocolle: L'art et science des notaires... P. 15.*

лица королевского прево Антуана Дюпра (что отличает этот документ от всех остальных минут в данной связке), но имелся пробел для имен нотариусов, которые были вставлены в текст другим почерком, причем места для их имен не хватило. И далее текст демонстрирует следы работы Франсуа Карто или клерка из его конторы. Так, в изначальном варианте значилось: “*Mari de Ork, его жена, им уполномоченная* (*Marie de Horques sa femme de luy actorisij*)”, нотариус исправил на “*его жена, им в достаточной мере уполномоченная в этой части во всем, что касается использования его прав в данной области, сроком на 25 лет* (*sa femme de luy suffisamment auctorisij en ceste partie en tout que il peult usant et joissant desd. droict et aussi de XXV ans*)”¹⁷.

Такие примеры “самодельных” актов попадаются во многих связках и представляют особый интерес. Просматривая их, можно наглядно убедиться, как “нотариальное принуждение”, “принуждение формы” вступает в конфликт с прямым волеизъявлением клиента (также, впрочем, руководствующегося какими-то своими представлениями о необходимой нотариальной форме). Порой это рождало любопытные казусы, к которым мы еще вернемся в следующей главе.

Иногда, как, например, в случае с больным сеньором де Сетфонтен и сержантом Филеном, нотариальная минута показывает, как нотариус или его клерк составляли акт под диктовку. В данном случае перо нотариуса как бы само торопится вписать привычный текст. Но поскольку ситуация была далеко не ординарной, то писцу то и дело приходится возвращаться назад, зачеркивать написанное, меняя его на правильный вариант. Вернемся к прерванной цитате: “*Пьер Бускар, экюйе, сеньор де Сет-Фонтен, что в Гатинэ, в настоящее время находящийся в постели больной* (зачеркнуто: *в Отель-Дье этого города Парижа*) *в предместьях Парижа за воротами Сен-Жак в* (зачеркнуто: *доме, где висит в качестве знака*) *доме Жеоль*”. Ситуация, когда бедный больной человек доставляется к нотариусу из Отель-Дье (больницы для бедных, “Божедомки”), как сказали бы в старой России), чтобы составить скромное завещание, была достаточно типичной для нотариуса Жана Крюсе или его клерка, чья рука автоматически вывела стандартную фразу, которую пришлось затем зачеркивать. Ведь в данном случае выяснилось, что Филен доставил больного дарителя из предместья, в котором сам сержант исполнял свои обязанности.

¹⁷ МС. СХ. 38 (17.07.1549).

Создается впечатление, что мы слышим, как сержант или больной сеньор произносят адрес: “Hôtel Geole” и нотариус понимает, что согласно парижскому обычаю обозначать дома, речь идет о знаке, украшающем фасад дома (это могла быть фигурка святого, изображение какой-нибудь аллегорической фигуры, мифического персонажа или вывеска ремесленника), зачастую дом назывался не по имени владельца, а согласно этой эмблеме: “дом святой Анны”, “дом медведя”, “дом Ролланда” и т. д. И опять торопливо сделанную запись пришлось вымарывать, поскольку сержант тут же уточнил, что речь идет не о доме под знаком “темницы” или “засова” (Geol), а о самой настоящей темнице, расположенной на участке, контролируемом Николя Филоном. Ведь далее выясняется, что даритель долгое время содержался в тюрьме парижского Шатле и только затем был переведен в эту небольшую пригородную тюрьму. Сержант, судя по всему, помог сеньору в его судебном противостоянии и занялся его лечением, потребовав в благодарность свершить дарение себе и своему сыну-студенту. Причем во фразе “*указанный Буссар дарит ... Пьеру Фilonу, сыну сержанта юстиции Николя Филона*”, писарь также вынужден был делать вставку на полях: “*своему крестнику*”. Являлись или нет в действительности сержант и больной подследственный связанными узами духовного родства, или же они были выдуманы позднее, чтобы лучше мотивировать эту странную сделку, останется для нас тайной. Но ясно, что ситуация казалась неординарной не только нам, но и сотрудникам нотариальной конторы.

Гораздо чаще клерк сразу же брал готовую формулу и почти механически вставлял в нее имена участников сделки и описание передаваемого объекта. Под рукой нотариуса обязательно находился какой-нибудь сборник формул. Помимо коллекции образцов, естественным путем накапливаемых в каждой конторе, прикупались все новые учебники по нотариальной практике, как французские¹⁸, так и латинские, хранились старинные сборники Роландина, Спекулатора, Морциллетуса, Формуляры Рима и Флоренции (Rolandin, Speculator, Morcilettus: aussi des plus exauis Formulaires de la Rote de Rome et de Florence)¹⁹. Итальянцы имели в теории и практике нотариата неоспоримый приоритет, их традиции

¹⁸ Théorique de l'art des notaires: Pour cognoistre la nature de tous contrats... / Trad. de Latin en François et succinctement adaptée aux ordonnances royaux par Pardoux de Prat, docteur us droict, et reveu et augmentee de nouveau. Lyon, 1582.

¹⁹ Le Protocole: L'art et stille des tabelions notaires... Р. 1–2.

восходили к седой древности²⁰, к учебникам по “Ars dictaminis”, бывшим в ходу уже в XI-XII в. Сами же авторы трактатов по нотариату, издаваемых в XVI столетии, претендовали на его прямую преемственность с Римской империей. Существовали также и пародийные сборники, вроде юмористического (“рекреативного”) учебника Бенуа де Тронси²¹. В своем обращении к читателю он отмечает, что этот труд составлен, дабы наставлять юных нотариев в написании различного рода контрактов.

Многочисленные сборники предлагали различные формы тех или иных контрактов, в которых с легкостью распознается большинство из разобранных нами в предыдущей главе актов.

Вот один из примеров, приводимый в учебнике Парду де Прата как образец бреве (то есть документа, передающего лишь существо дела, без формул зачина и концовки):

“Дар одной или нескольких денежных сумм, совершенный студенту.”

Такой-то, такого-то звания, проживающий в таком-то месте заявляет о том, что он даровал, уступил и передал в форме чистого дара такому-то своему племяннику или своему кузену — студенту, обучающемуся в Парижском университете, сумму, каковую ему на законном основании, как он утверждает, должен такой-то, такого-то звания, проживающий в таком-то месте, как остаток от продажи такого-то товара, каковой ему принадлежал и он является его подлинным распорядителем и т. д. Этот перевод совершен из-за добной и подлинной родственной любви, каковую оный первый поименованный питает по отношению к указанному студенту, своему кузену или племяннику и с тем, чтобы он имел чем содержать себя в обучении и в оном достичь степени. Обещает и т. д. Обязуется и т. д. Отказывается и т. д.²²

²⁰ См. Абрамсон М. Л. Супруги, их родные и близкие в южноитальянском городе высокого средневековья (X–XIII вв.) // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996. С. 103–135.

²¹ *Bredin le Cocu [Du Troncy B.]*. Formulaire fort r̄icr̄atif de tous contracts, donations testament, codicilles et autres actes qui sont faicts et pass̄s par devant notaires et tesmoins. Lyon, 1590.

²² “Promect etc. Obliḡ etc. Renonc̄ etc.”. Хотя выше все тот же Парду де Прат и сетовал, что есть немало невежественных нотариусов, которые злоупотребляют

Свершено и записано²³ такого-то дня такого-то числа”.

Весь вопрос в том, насколько обязательной была такая форма, насколько мог или хотел составитель акта добавлять что-либо от себя? Прежде всего, надо отметить, что если такая возможность и имелась, то она представляла собой весьма дорогое удовольствие. Услуги нотариуса вообще были (да остаются и по сей день) достаточно дорогими.

В середине XVI в. королевское законодательство предписывало нотариусам брать по 11 парижских су за большой лист (“икуру”) пергамина, но нотариусы Парижского Шатле имели право брать больше — по 16 парижских су за целый лист и по 10 су за половинку, и по 6 су за четвертушку листа. Иногда нотариусов нанимали повременно, на день, в случае, например, их выезда за город — парижанам платили по 45 су в день (а провинциальным нотариусам по 20 су в день) сверх стоимости минуты и гроссы.

Таким образом, вызов нотариусов на дом обходился как минимум в 5 ливров. На эти деньги какой-нибудь студент мог снимать скромную комнату (без пансиона) в течение целого квартала. А ведь рассмотрение дела могло

словами “et cetera”, он, как мы видим, сам активно его использует. В данном случае речь идет о пресловутых закрепительных формулах, они обязательно воспроизводились в полном виде в “гроссе”, но опускались или сокращались в “бреве” и “минуте”. Пропущенные фразы в данном случае означали “Обещает честно передать указанное имущество. Обязуется отстаивать и защищать права реципиента в суде в случае необходимости. Отказывается от своих прав на это имущество”. Даны лишь начальные фразы, по которым в случае необходимости “гроссирования” — составления полного документа клерк легко восполнял пропущенные слова. Ведь речь шла о клише.

²³ Точнее “сделано и прошло” (“fait et passé”). Обычно в акте ставилось “passé double” — “прошло двойным”. Это значит, что такого-то числа составлены две копии одного документа, если участников сделки двое, или “passé triple”, “passé quadruple”, “passé multiple” (“прошло тройным”, “прошло четверным”, “прошло множественным”), если участников сделки соответственно было трое, четверо, или “много”. Наиболее распространенным случаем было все же “passé double”.

растянуться на несколько дней, о чем предупреждал Парду де Прат²⁴, особенно если требовалось согласие всех участников сделки.

Это было дорого, но на эти расходы шли, ведь своевременное юридически грамотное оформление акта помогало избежнуть последующего разорительного судебного процесса. Нотариусы не только гарантировали, как сейчас говорят, “юридическую чистоту сделки”, они охотно выступали и в качестве арбитров, улаживая конфликты²⁵. Неудивительно, что между судейскими и нотариусами существовала известная напряженность в отношениях, первые не без оснований подозревали последних в том, что они отбивают у них хлеб²⁶.

Но ясно, что дарителю следовало хорошо подумать, прежде чем вставлять в акт что-нибудь от себя. Задерживаться у нотариуса, вставляя в акт свои комментарии, а еще того хуже лишний раз переписывая весь текст, значило платить лишние деньги, причем немалые.

Со своей стороны, нотариусы призваны были также соблюдать определенную сухость изложения, отбрасывать все излишнее. *“Нотариусы и письмоводители должны быть по возможности наиболее краткими, без длинных отступлений и смешения тем. Они должны стараться осветить в своих писаниях то, как в действительности обстоит дело, и согласовать это со всеми участниками сделки”* — гласило седьмое правило нотариата, приводимое в учебнике²⁷. И далее автор поясняет: *“все нотариусы должны осторегаться того, чтобы помещать в свои писания и документы какие бы то ни было амфибологии, иначе говоря, неясные сентенции, которые можно было бы поворачивать в разных смыслах и разумениях: в эту ошибку и в этот порок*

²⁴ “...a quo faire il convient aucunesfoys vacquer par plusieures iournées” // Theorique de l’art des notaires... P. 12.

²⁵ В регистрах Шатле по вполне понятным причинам таких актов было немного, но в нотариальных минутах они встречались довольно часто. Я столкнулся с одним из них (речь шла об улаживании конфликта между доктором теологии и строителями). Среди 3608 актов первого тома публикации Куайака содержатся 60 различного рода полюбовных соглашений о телесных повреждениях и оскорблений.

²⁶ Poisson J. P. La justice devant le notaire et sa clientelle // Poisson J. P. Notaire et sociétés. Paris, 1985. Vol. 1. P. 12.

²⁷ Le Protocole: L’art et stille des tabelions notaires ... P. 20.

часто впадают юные нотариусы, которые только что обучились свободным искусствам, и только выйдя из школ полагают, что могут рукой дотянуться до звезд. Но они еще не подготовлены к вещам, от которых происходит молоко и мед, то есть к практике²⁸. Впрочем, Парду де Прат уточнял, что его книга предназначена для молодых и неопытных нотариусов, работающих в малых городах, местечках и слободах²⁹.

В Париже, конечно, эти советы были излишними: неопытный нотариус просто не мог получить здесь места. Многочисленные парижские мэтры контролировали друг друга (хотя бы тем, что второй коллега всегда присутствовал при составлении акта), а также регулярно инспектировались бдительными чиновниками Шатле. Так, королевский прокурор Шатле регулярно должен был проверять ведение архивов нотариальных минут.

Таким образом, клиент нотариуса испытывал сразу несколько видов принуждения — юридические предписания (требования “Парижской кутюмы”, “Стиля Парижского Шатле”), давление стереотипов, предлагаемых формулярами, и советы нотариуса, помноженные на вполне естественное желание клиента избежать излишних трат времени и денег. Все это поневоле диктовало нотариальному акту определенную сухость, и, казалось, должно было придавать этому источнику обезличенный характер. Так это или нет, мы рассмотрим на примерах некоторых случаев из нотариальной практики, а сейчас продолжим освещение формальной стороны дела.

Если клиент желал составить дарение в адрес студента, то помимо документов (*instruments*), подтверждающих его владельческие права, нужно было разъяснить нотариусу статус участников сделки. В том случае, когда в составлении акта участвовала жена дарителя или же женщина выступала вообще независимо, она должна была предъявить документ о своем

²⁸ Tous notaires se doyent aussi donner garde de mettre en leur escritures et instruments aucunes amphibologies: c'est à dire sentences doubtueuses, qui peuvent estre situées à divers sens et intelligence: et en cest erreur et vice tombent souvent les jeunes notaires qui ont esté artistes, et qui viennent nouvellement des escholes, et leur semble que de leurs doigts ils toucheront les estoilles: lesquelles ne sont point encore appliqués aux choses, desquelles viennent lait et miel, c'est à savoir de la pratique // Le Protocole: L'art et stille des tabelions notaires ... P. 20.

²⁹ ... qui sont es petites villes. chasteaux et borgades // Ibid. P. 16.

утверждении в самостоятельных правах (*autorisation*) — подтверждение того, что она в достаточной мере уполномочена мужем на распоряжение данной частью своего имущества. Если к нотариусу приходили оба супруга, то вопрос решался, по-видимому, довольно просто, но сложнее было, если женщина приходила одна, или муж вообще отсутствовал. Мы упоминали во второй главе о встречавшихся изредка терминах “*femme de soi*”, “*femme delaissé*”, “*femme, séparée par justice en l'absence de son mari*”. Женщина по суду могла добиться права распоряжаться своим имуществом самостоятельно, но в этом случае предъявление соответствующих документов нотариусу было обязательным.

Нотариус также обязан был знать возраст участников сделки, он должен быть уверен, что речь идет о совершеннолетних людях (для мужчин возраст совершеннолетия составлял 25 лет, согласно парижской кутюме). Впрочем, и более молодой человек мог жить своим домом и самостоятельно вести хозяйство, но для этого он юридически должен был быть выведен из-под власти отца (“эмансипирован”). Знать возраст было необходимо, ибо хотя несовершеннолетние имели право составлять акты сами или же они могли составляться от их имени, но они ни в коем случае не должны были причинять ущерб себе. В частности, они могли получать дарения, но не могли выступать в качестве дарителей.

Для определения возраста нотариусу предписывалось самому обращать внимание на внешность клиента (наличие бороды, например), а если возникали сомнения, запросить свидетельство (*lettres de leurs puissances*) у приходского священника, церковного старосты или соседей.

Кстати, такое же ограничение распространялось и на заключенных. Они достаточно часто составляли нотариальные акты, но по закону не имели права действовать в них себе во вред. Конечно, практика была иной, но, как показывает пример сержанта Филона, заключенный не мог без достаточно веских оснований отчуждать свое имущество. Отсюда и красноречие в описании сеньором де Сетфонтэном услуг, оказанных ему сержантом, и оговорка о духовном родстве (возможно, вымышленном) с его сыном-студентом.

Поскольку чаще всего мы до сих пор имели дело с университетскими дарениями, то рассмотрим этот случай более подробно. Итак, когда участники сделки являлись в контору, нотариус должен был потребовать документального

подтверждения студенческого статуса. Возможно, что он делал это далеко не всегда, но подобные документы были необходимы, чтобы студент или его поверенный могли теперь на законном основании пользоваться университетскими привилегиями для охраны своего имущества.

Но подтвердить свой статус учащийся “прославленного университета” (*université fameuse*)³⁰ мог только в том случае, если он предварительно обратился к ректору, приведя двух-трех свидетелей из числа однокашников. Свидетели подтверждали, что он действительно обучался вместе с ними уже не менее шести месяцев и поэтому может быть внесен в книгу ректора, пользоваться всеми университетскими привилегиями, и именоваться в нотариальных актах как “*escolier étudiant juré*”. Королевское законодательство настаивало на этом полугодичном предварительном сроке, но в действительности, срок этот мог и не соблюдаться.

Разумеется, университетские привилегии не были пожизненными. Для студентов факультета “свободных искусств” они были действительны в течение четырех лет, семи лет для изучающих право, восьми — для студентов-медиков, студент теологического факультета мог пользоваться университетскими привилегиями на протяжении целых четырнадцати лет³¹. Для преподавателей (регентов, то есть читающих курс)³² срок их действия распространялся на все время преподавания, и только после 20-летнего стажа привилегии становились “вечными”, при условии, что доктор или магистр продолжает свое пребывание в университете.

Секретарь университета (*scribe* или *greffier*) выдавал документ: “письмо-свидетельство” (*lettre testimoniale*). Студент предъявлял его затем по мере надобности, например, тому же нотариусу. Но чаще всего оно требовалось для

³⁰ Не все университеты Франции в XVI в. пользовались этим звучным эпитетом. Существовали некоторые эфемерные образования, например, университет в Оранже или университет в Редоне (Бретань), которые так и не успели получить этот титул, хотя и обладали папской буллой, подтверждавшей их основание.

³¹ *Papon J. Le second notaire. Lyon, 1576. P. 75.*

³² Наряду с регентами членами университетских корпораций (факультетов, наций) считались магистры, бакалавры и доктора, не читавшие регулярных курсов. Получив степень, они могли продолжать посещать университетские ассамблеи, участвовать в диспутах и в жизни коллегий.

представления чиновникам Парижского прево как хранителя королевских привилегий университета (точнее - привилегий, дарованных королем университету), или же его особому заместителю “лейтенанту–хранителю”. Хранитель, в свою очередь, выдавал студенту охранную грамоту (*lettre de protection*) от имени короля.

Понятно, что получение всех этих документов требовало известных затрат, но дело того стоило. Охранная грамота давала основание для того, чтобы потребовать от Первого сержанта Парижского Шатле вызвать на суд хранителя университетских привилегий всех, кого данный студент будет считать ответчиком или вмешаться в любой судебный процесс в любом уголке королевства, чтобы перенести дело в суд Парижского Шатле.

Такой порядок был закреплен ордонансами Людовика XII и Франциска I. Последующие правители пытались ввести некоторые ограничения на использование этих привилегий. Оговаривалось, что если процесс начался, а студент прервал свое обучение более, чем на полгода, то дело из суда хранителя можно отзывать. Комментаторы настаивали на необходимости проводить различие — является ли указанный студент непосредственно истцом, действуя от своего имени, или же выступает как цессионарий, то есть как лицо, в пользу которого совершается уступка имущественных прав. В первом случае студент свободно может пользоваться университетскими привилегиями в данной тяжбе³³, во втором следовало более тщательно разобраться в существе дела. Власти Шатле (или иные хранители университетских привилегий, если речь шла не о Парижском университете) должны были убедиться, что речь идет именно о кровном родстве по нисходящей линии. Законными считались дарения от отца к сыну, от дяди к племяннику и от брата к брату (действительность, как мы убедились, была иной). Такая степень родства была достаточной, чтобы не вызвать подозрений в законности дарения. Но главное, чтобы дарение было совершено не во время тяжбы, а предварительно. Как мы убедились, и в этом случае реальная практика демонстрировала совсем иную картину. Мненияcommentatorov оставались лишь благим пожеланием.

³³ Впрочем, и в этом случае действовало два ограничения — дело нельзя было перенести в суд Шатле, если противной студенту стороной являлись, во-первых, местный королевский прокурор, а во-вторых, непосредственный сеньор студента (если тяжба велась по поводу земельного держания студента).

Ситуация радикально изменилась в начале 1560-х годов, когда право передавать дело на суд хранителя привилегий было резко ограничено. Теперь, если речь шла не об имуществе, ранее принадлежавшем студенту, но о том, что было ему передано родственниками незадолго перед тяжбой, то перенос дела в Шатле мог быть опротестован, помимо королевского прокурора, еще и ординарным судьей, то есть представителем той инстанции, в которой изначально было возбуждено дело. Понятно, что ординарные судьи не горели желанием расстаться с подобными процессами, и число дарений студентам стало стремительно сокращаться, что и нашло отражение в таблицах нашей предыдущей главы.

Уже ордонанс в Виллер-Коттре (1539 г.) грозил строгим наказанием виновным, если выяснялось, что в судебной тяжбе, перенесенной в Шатле, студент не являлся реально заинтересованной стороной, это считалось подлогом и каралось как клятвопреступление, ведь студент в начале процесса сам или через своего прокурора обязан был присягать в отсутствии ложных намерений. Но совершенно очевидно, что тогда это требование не возымело должного эффекта, в противном случае наблюдавший нами резкий спад числа студенческих дарений начался бы не на рубеже 50-х и 60-х годов, а значительно раньше.

Поэтому и угрозы строгого наказания за подложные студенческие документы или за ложные свидетельские показания (например, в случае, если выяснялось, что студент отсутствовал в университете более шести месяцев)³⁴ также были не слишком эффективны.

О том, что до конца правления Генриха II режим использования университетских привилегий был весьма либеральным, у нас имеются не только косвенные доказательства. Вспомним хотя бы дарение парижского портного Пьера Перше, который подарил “постороннему студенту” права на возбуждение иска о претензиях по поводу несправедливо поделенного наследства. Он мотивировал это тем, что “*не к его чести затевать процесс против своего отца*”³⁵.

³⁴ Папон приводит в качестве примера ситуацию, когда студент претендует на пользование университетскими привилегиями, но выясняется, что еще за четыре месяца до начала тяжбы он пребывал не в университете, а дома.

³⁵ IRI. 2587.

Но есть и более откровенные высказывания. Так, 8 мая 1545 г. “*почтенный человек Рене Лестель, купец-суконщик и парижский буржус*” совместно со своей женой Переттой Малост подарили студенту Жану Лестелю, их сыну, дом и земли в деревне Верней, оформил это дарение у нотариуса Пьера Тюре (Thuret) и вскоре зарегистрировал этот акт в Шатле³⁶.

Через восемь лет, 24 декабря 1552 г. “*почтенный человек мэтр Жан Лестель, доктор медицины, совершает дарение и перевод прав своим родителям, почтенным персонам, Рене Лестелю, купцу-суконщику, парижскому буржусу, и Перетте Малост, его жене, на свои части наследства, которые ранее были переданы в виде дарения между живыми (donnation entre les vivs) указанному Жану Лестелю, вышеназванными его родителями*”. Речь шла о доме, риге, хлеве, дворе, огороде, хозяйственных постройках и двух участках земли в 8,5 и в 3 арпана. Это дарение совершено “*по добной и подлинной любви, которую он питает к своим указанным отцу и матери*”.

Присутствует при сем и жена Жанна Лестеля — Жанна Саломон (“*достаточно им на то уполномоченная*”), которая в свою очередь отказывается от своих прав на это имущество, включенное в ее дуэр, но оговаривает условие, что Рене Лестель и его супруга должны выплатить Жану и ей сумму в тысячу ливров, “*чтобы помочь им содержать себя и чтобы мэтр Жан Лестель смог бы стать доктором на медицинском факультете³⁷ или распорядиться деньгами как-нибудь иначе по своему усмотрению*”. Нотариусы отмечают, что, по словам Жана Лестеля и его супруги, “*эта сумма составляет остаток от суммы в 1200 ливров, которую родители обещали выделить ему в аванс наследства по случаю свадьбы. И указанный Рене Лестель, и его жена подтвердили, что они признают этот долг, и что выплатили молодым пока лишь 200 ливров как звонкой монетой, так и в виде одежды и мебели*”³⁸.

³⁶ Y 90 f. 337.

³⁷ Это свидетельство того, что быть доктором медицины и доктором на факультете медицины (*docteur regent*) вещи совсем разные. Быть "регентом", значило пользоваться всей полнотой привилегий, и, возможно, получать средства от преподавания, не расставаясь при этом со своей медицинской практикой. Очевидно, что существовала "продажность" (*venalit *) не только королевских, но и университетских должностей.

³⁸ Y 97 f. 204 v.

Не вполне понятно, почему чувство “*доброй и подлинной любви*” к родителям обострилось настолько, что медику потребовалось возвращать подаренное ими как раз в тот момент, когда ему так нужны были деньги на получение заветной должности, а сумма, обещанная по брачному контракту, так и оставалась невыплаченной³⁹.

Но через две недели, 7 января, Жан Лестель оформил у того же нотариуса Жана Труве любопытное заявление. Он повторил вкратце содержание предыдущего акта от 24 декабря 1552 г. о передаче им своих прав на ферму и метерию в Вернене, но подтвердил честным словом (*de bonne foy*), что не имел никаких видов на эту ферму. Дарение 1545 г. было сделано, “*дабы заимствовать его имя (emprunter son nom) для того, чтобы недоимки, которые задолжал арендатор этой фермы⁴⁰, могли бы под его именем быть востребованы через суд господина парижского прево или его лейтенанта-хранителя, как якобы взыскиваемые в его пользу, учитывая, что он был в ту пору студентом, обучавшимся в Парижском университете (soubz umbre et faveur luy reconnaissant qu'il estoit lors d'icelle donnation escolier estudiant en l'Université de Paris). Но что отец и мать не хотели ему ничего дарить ни в ущерб [его доле наследства], ни сокращая доли его братьев и сестер*”. Поэтому он обещает предварительно внести сумму 1200 ливров и хочет, чтобы это заявление также было зарегистрировано вместе с предшествующим актом⁴¹. И, действительно, оба акта были зарегистрированы 14 января 1552 г. (или 1553 г. по новому стилю).

Ситуация представляется следующей. Фермера, скорее всего, усмирили (наверное, одной угрозы оказалось достаточно), но акт надо было отменять, поскольку возникли проблемы с определением дуэра жены медика. Братья и сестры забеспокоились, ведь вернув (а юридически подарив) свою ферму родителям, Жан Лестель мог теперь потребовать увеличить свою долю

³⁹ Это, кстати, неплохо иллюстрирует всю относительность данных, с которыми мы оперировали в третьем разделе предыдущей главы. В брачных контрактах могли фигурировать любые суммы, но это не означало, что они в реальности доставались молодым.

⁴⁰ Мне, кажется, удалось даже установить имя этого злосчастного фермера: сохранился контракт об аренде, подписанный с одной стороны неким Жаном Бертело, а с другой Рене Лестелем и его женой. МС. III. 57 (29.10.1544).

⁴¹ Y 97 f. 206 v.

наследства родителей. Чтобы избежать процесса, пришлось раскрывать карты и объявлять об истинных причинах фиктивного студенческого дарения. Вполне возможно, что не братья и сестры, а нотариус Жан Труве указал Жану Лестелю на юридические шероховатости составленного им первого акта. Но для нас в данном случае очевидно и очень важно, что тогда, в начале 1550-х годов, подобное откровенное признание в фиктивном характере студенческого дарения ничем не грозило его автору. В противном случае тот же Жан Труве отсоветовал бы ему это делать.

Жан Лестель не нажил богатства, так и не став преподавателем на факультете. Однако никаких санкций на него не обрушилось, он спокойно продолжал свою практику в Париже как минимум до 1583 г.⁴²

Есть и еще один подобный акт, принадлежащий Дени Ле Ру, сеньору Конде⁴³, проживавшему в предместье Сен-Жермен-де-Пре. Он также составил заявление, в котором отказывался от претензий на наследства Луи и Катрин Шабо, сеньора и дамы де Монконтур, поскольку перевод прав на это наследство, сделанный на его имя Жаком Ле Ру, балли Бри-Конт-Робера, его отцом, был фиктивным с целью единственного “позаимствовать имя (*et prunter le nom*) указанного Дени, который в то время был студентом, обучавшимся в Парижском университете. Цель заключалась в том, чтобы тяжба по поводу этого наследства подпала бы под юрисдикцию господина Парижского прево и его лейтенанта-хранителя королевских привилегий указанному университету, с тем чтобы противная сторона, проживающая вне границ нашего превоства, не смогла бы уклониться от юрисдикции указанного Парижского прево. Но поскольку дарение было сделано с иным намерением [т.е. не имело цели реально подарить данные имущественные права студенту], да будет оно не имеющим силы, потому что, согласно парижской кутюме, отец не может выделять одному из своих детей большие, чем другому”. Дени Ле Ру не претендует на эти подаренные

⁴² Le Houx F. Le cadre de vie des médecins parisiens aux XVI et XVII siècles. Paris, 1976. P. 312.

⁴³ Маловероятно, что он имел отношение к принцу Конде, хотя указания на род Шабо (возможно, родственники адмирала Франции), позволяет выдвинуть гипотезу, что мы имеем дело с какой-то младшей ветвью знатного рода.

вещи и передает свои права сестре , Жанне Ле Ру, и ее мужу — адвокату Парижского Парламента Жану Версорису⁴⁴.

Возможно, Ле Ру-старший хотел перевести тяжбу в Шатле не только в надежде, что этот суд будет более снисходителен к студенту, но и для того, чтобы обеспечить рассмотрение дела на территории превотства, где действовала парижская кутюма, предполагавшая равномерный раздел имущества между наследниками (к сожалению, мы не знаем сути дела, так как акта, на который ссылается Дени Ле Ру, разыскать не удалось, скорее всего он был составлен до 1539 г.).

Итак, одни хотели припугнуть своего арендатора судом Парижского прево, другие перенести дело в более подходящий для них суд Шатле. В стиле “нотариального поведения” трудно не увидеть общей логики — составить университетское дарение, а затем открыто его аннулировать за ненадобностью. И хотя в ту пору это не вызвало прямых санкций, все же с подобной практикой, точнее, с подобной степенью откровенности, мне больше не приходилось сталкиваться. Найти какие-то точки соприкосновения между семьями Лестелей и Ле Ру не удалось, однако выяснилось, что дела семьи Ле Ру в 40-х годах вел нотариус Пьер Тюре⁴⁵, тот самый, который в 1545 г. составлял дарение студенту Жану Лестелю, отмененное им восемью годами позже. Есть и еще одно совпадение — нотариус Франсуа Труве, в конторе которого делал свое заявление Жан Лестель в 1552 г., в том же 1552 г обслуживал родственников Дени Ле Ру⁴⁶. Скорее всего, перед нами проявление стилистических особенностей кого-то из парижских нотариусов⁴⁷.

⁴⁴ Это был один из племянников упоминавшегося мной выше Николя Версориса, автора любопытного “Дневника”.

⁴⁵ См., например, МС. III. 59 (18.10.1544), МС. III. 169 (16.06.1546).

⁴⁶ МС. XIX. 186 (15.04.1552).

⁴⁷ Нельзя исключать и возможности передачи опыта одной нотариальной конторы другой. В данном случае, влияние опыта Пьера Тюре на Франсуа Труве. Возможности такого влияния были многообразны: ученичество, долговременное партнерство, покупка или наследование “инструментов”, и, наконец, переход клерка, имеющего опыт работы в одной конторе, к новому хозяину.

Помимо материалов дарения акт должен был содержать еще и формулу принятия дара (*acceptation*). Для того и требовалось присутствие “реципиента” или его поверенного. Если же дарение делалось в одностороннем порядке, то приходилось составлять позже еще один акт приема дара. Так, например, 23 декабря 1552 г. парижские нотариусы Анри Бержерон и Шарль Майе (Maeut) скрепили своими подписями такой акт приема (*acceptation*) студентом Дени Рошро дарения земель в окрестностях Гиза, сделанного 7 декабря того же года его отцом, Дени Рошро-старшим, экюйе, сеньором фьефа Гран-Пьер близ Эперне, королевским прево в Реймсе, генеральным казначеем вдовствующей герцогини де Гиз⁴⁸. Видимо, дела службы не позволили ему прибыть в Париж, поэтому Рошро-старший вызвал сына и двух нотариусов в Реймс, чтобы составить этот акт. Зная размер подъемных, выплачиваемых нотариусам Шатле⁴⁹, можно заключить, что совмещение должностей позволяло королевскому прево жить на широкую ногу: вся эта процедура обошлась ему не менее, чем 20 ливров, а вернее в 25-30 ливров, гораздо дешевле было бы составить акт у местного нотариуса⁵⁰, а затем зарегистрировать его в Шатле.

Вернемся к нашему “среднему парижанину”, составившему, наконец, свой нотариальный акт. Коль скоро речь шла о дарении недвижимости, то по закону его надо было “инсинуировать” в регистрах Шатле.

Это делалось, конечно, далеко не всегда. Даже университетские дарения (которые, как мы убедились, и оформлялись с тайным или явным умыслом использовать его в судебной тяжбе) сплошь и рядом оставались незарегистрированными. Так, в первом томе публикации Э. Куайака я обнаружил шесть дарений недвижимости, адресованных студентам в период после 1539 г. Из них в регистрах Шатле были найдены лишь двое. Выборочно просматривая связки минут конторы Крюсе, я пытался отыскать следы регистрации встречающихся там университетских дарений в Шатле, но

⁴⁸ Y 98 f. 191 v.

⁴⁹ Напомню, что им полагалось платить по 45 су на человека в день, не считая транспортных расходов, а поездка в Реймс отняла у них не менее трех суток.

⁵⁰ Возможно, впрочем, что Дени Рошро что-то мешало обращаться к местным нотариусам, возможно то, что они приходились ему родней или находились в прямом от него подчинении и тогда не имели права составлять его акты. Но, во всяком случае, поездка в Париж обошлась бы ему не в пример дешевле.

безуспешно⁵¹. Наверное, вопрос о регистрации вставал лишь в случае передачи каких-то уж очень важных объектов дарения.

Регистрация должна была производиться в секретариате королевских судов не позднее четырех месяцев с дня заключения сделки, или же в шестимесячный срок в случае отсутствия на месте одной из сторон сделки — об этом говорил 132 параграф ордонанса 1539 г. в Виллер-Коттре, на этом же настаивало и законодательство Карла IX (параграф 58 ордонанса в Мулене 1566 г., где оговаривалось, что дарение сохраняло силу только в том случае, если оно было инсинуировано при жизни дарителя.) Что и понятно, в противном случае оно не могло уже считаться “дарением между живыми” (*donation entre les vifs*), на этих сроках регистрации настаивали и юристы более позднего периода⁵². Но не трудно догадаться, что сроки эти соблюдались далеко не всегда. Иногда дарения ждали годами и регистрировались тогда, когда становилось ясно, что надо собирать документы к предстоящему судебному разбирательству.

Сама по себе регистрация была делом непростым и достаточно затратным. Мы, к сожалению, не знаем точной суммы необходимых расходов, но можем попытаться хотя бы перечислить некоторые из необходимых операций.

Первый шаг заключался в выборе того, кто будет осуществлять регистрацию. Чаще всего для этого нанимались поверенные — прокурор Шатле, либо один из многочисленных парижских стряпчих, а, порой, в этой роли мог выступать какой-нибудь клирик. Поверенных должно было быть двое — со стороны “трастента” (*donateur*) и со стороны “реципиента” (*donataire*). Таким образом,

⁵¹ MC. LXXIII. 17 (20.06.1552) — дарение типографа Жана Нуаяна своему сыну “присяжному студенту” права на наследство отца, Тома Нуаяна, плотника из Турени, заключавшееся в недвижимости и долговых обязательствах. Или “достойный человек” Мишель Можье, мэтр-портной в Париже, проживающий близ Коллежа Камбре, заявляет о своем дарении Жану Можье, своему сыну студенту суммы “в 4 ливра ренты ежегодно, которую ему должен Жак Промье, крестьянин из Бенкура, по причине отдачи в ренту дома, в котором тот проживает”. И еще он дарит те 70 ливров, которые ему должен Жан Дантуа, купец-аптекарь из Понтуаза. MC. LXXIII. 6 (02.05.1545).

⁵² *Ferriere C. La science parfaite des notaires ou le moyen de faire un parfait notaire.* Paris, 1682. P. 285.

помимо основного акта, надо было представить специальный документ о поручительстве — доверенность (*lettre de procuration*).

Порой один из участников сделки чувствовал себя достаточно опытным, чтобы взять всю ответственность за регистрацию на себя и обойтись без услуг прокурора. Но и в этом случае требовалось составление доверенности от лица второго участника сделки. За доверенность приходилось платить намного меньше, чем за сам акт, но все же это требовало расходов, не говоря уже об оплате услуг поверенного.

При всей видимой рутинности формула регистрации могла содержать немаловажную дополнительную информацию. Так, 8 сентября 1553 г. Жан де Тюмерей, сеньор де Роканкур, составил дарение своему крестнику, Мишелю Биньону, сыну сержанта Шатле, желая ему “лучше содержать себя в учении и в духовном звании”. Поскольку Мишель Биньон в публикации, да и в оригинале не назван студентом университета, я и не стал причислять этот акт к корпусу анализируемых университетских дарений. В конце документа содержалась формула поручительства, где даритель доверял школяру (*escolier*) Биньону зарегистрировать акт (школьяр был несовершеннолетним, но, как следует из оригинала документа, уже эмансипированным из-под власти своего отца). Но в записи о регистрации, состоявшейся 11 ноября 1553 г., клерк секретариата Инсинаций уточняет: “Биньон, школьяр в Парижском университете”⁵³. Все это может указывать на то, что сеньор де Роканкур, одаривая своего крестника, не собирался использовать университетские привилегии, или же на то, что нотариус не подсказал ему такой возможности (акт составлялся в провинции). Но то ли сын сержанта Шатле сам решил подправить это упущение, то ли ему подсказал это клерк Шатле, как бы то ни было, наш корпус можно пополнить еще одним актом.

Второй шаг требовал уплаты пошлины за “инсинуацию” в регистре королевского суда. Эта сумма не была чисто символической, ведь вспомним, что переход к тотальной регистрации всех нотариальных актов в 1554 г. единодушно рассматривается историками как мера фискального характера, призванная пополнить стремительно истощавшуюся казну⁵⁴. И раз регистрация

⁵³ Y 99 f. 130 v-131 v.

⁵⁴ Vilar-Berrogain E. Guide de recherches dans les fondes d'enregistrement sous l'Ancien Régime. Paris, 1958; Olivier-Martin F. Histoire de la Coutume de la

в этот период сдавалась на откуп, то надо полагать, откупщик брал за это немалую сумму. Сокращение числа инсинуаций в Шатле в этот период (с 1553 по 1558 гг.) указывает на то, что в Шатле эта процедура стоила еще дороже.

Третим шагом была оплата секретаря Шатле и его клерка, которые вписывали данный акт в регистр инсинуаций. Известно, что клерки Шатле дорого брали за свою работу — дороже их оплачивались услуги лишь клерков Парламента. Надо признаться, работали они на совесть — почерк был очень хороший (как правило, вся книга регистров велась одним-двумя почерками), описки были сравнительно редки, исправления и зачеркивания в регистрах Шатле также были делом нечастым. Кстати, сами эти исправления весьма показательны. Бывало, что клерк начинал переписывать акт второй раз подряд, или же несколько страниц оставались пропущены. Поскольку следующий после пропуска акт начинался уже другим почерком, то можно предположить, что один клерк должен был довести регистрацию до конца, а в это время к работе приступал его сменщик, который начинал новый акт, оставив несколько страниц пустыми, не зная точно, сколько листов еще понадобится его коллеге для завершения своей работы⁵⁵. Достаточно часто, особенно начиная с регистра Y 97, акт начинали вписывать до завершения процедуры регистрации, оставляя место для формулы, упоминающей прокуроров, осуществивших регистрацию. И порой забывали их вписать⁵⁶.

Prevftt et Vicomt de Paris. Paris, 1929. Vol. 1. P. 71, 215; Doucet R. Les institutions de la France au XVI^e siucle. Paris, 1948. Vol. 1. P. 261.

⁵⁵ Так, например, в регистре Y 94 листы 158v-160 оставлены чистыми. Судя по всему, этот разрыв по времени совпадает с рождественскими праздниками 1548 г. Еще одна лакуна приходится на конец марта 1553 г. (Y 98 f. 319).

⁵⁶ Так произошло на странице 193v регистра Y 97 где формула была оборвана, и оставлено место, а начиная со страницы 101v. регистра Y 98. почерк становится все мельче и мельче вплоть до следующей страницы, начатой уже другим писцом, очевидно, что первый клерк немного не рассчитал места, а его коллега уже приступил к работе, и текст пришлось “ужимать” до подходящих размеров.

Очевидно, что оплата переписчика была повременная или аккордная⁵⁷: определенная сумма взималась за всю процедуру, иначе текст не был бы таким убористым. Те документы, которые оплачивались клиентом постранично, например, копии судебных постановлений, были совсем иными — писец не жалел места на бумаге или на пергамене, расстояния между строчками были такие, что туда можно было вписать еще несколько предложений. Там же, где рассчитывать на получение денег с клиента не приходилось, так называемые “королевские” или, как сказали бы в России, казенные дела (протоколы допросов по уголовным делам, регистры Парламента), текст был чрезвычайно уборист и изобиловал аббревиатурами. В регистрах Шатле мы наблюдаем нечто среднее — достаточно убористый, но вполне удобочитаемый почерк, клерк не стремился “разогнать” документ, но и не стремился максимально сэкономить свое время, тщательно воспроизводя большую часть стереотипных фраз (за исключением закрепительных формул), иногда вписывая некоторые подробности.

Любопытно, что иногда один и тот же акт инсинуировался дважды, а то и трижды — каждая сторона сделки несла свою копию в Шатле, то ли не договорившись со своими партнерами о совместной инсинуации, а может быть, просто не зная о том, что такая операция уже проделана. Разумеется, клерк не отказывал им в этом.

Достаточно важным был режим соблюдения сроков инсинуации. Некоторые дарители спешили нести документы в Шатле буквально на следующий день после составления акта. Другие тянули с этим не только 4 или 6 месяцев, но и годы, и вспоминали о необходимой регистрации по случаю. Рекордный срок, прошедший между составлением акта и его регистрацией составляет 125 лет. Дарение, совершенное экюье Гийомом Сангином по случаю свадьбы своего сына, состоявшейся 15 сентября 1425 г., было “принесено в Шатле 14 июля 1550 г. Жаном Мартеном, королевским прокурором Шатле, на правах опекуна малолетнего внука Гийома Сангвина”. Вполне очевидно, что эта регистрация является курьезом, порожденным намерением королевского прокурора Шатле с одной стороны максимально защитить права своего подопечного, а с другой

⁵⁷ В отличие от нотариуса или судебного писаря “клерк секретариата инсинуаций” мог заранее определить размер своего труда, ведь перед ним лежали акты, которые ему надлежало переписывать для регистрации.

приумножить славу родного Шатле, распространив его компетенцию вглубь времен⁵⁸.

Неравномерность в сроках регистрации, на которую, насколько мне известно, не обращал внимания никто из исследователей, сама по себе может нести определенную информацию. Если один и тот же человек не регистрировал свой акт годами, а затем нес его в Шатле вместе с только что составленным другим своим актом, то можно предположить, что он попал в ситуацию, когда судебная тяжба уже началась или может начаться, и ему спешно потребовалось привести свои документы в порядок. С другой стороны, регулярная регистрация актов в кратчайшие сроки может свидетельствовать об определенном складе характера не менее, чем аккуратность в одежде или прическе.

Обрисовав основные элементы процедуры составления и регистрации университетского дарения, мы убедились, что роли различных участников этого процесса были заранее распределены. Теперь мы вправе вернуться к изначальному вопросу о том, где кончается изъявление воли и чувств дарителя и начинается принуждение нотариальной формы или стиля нотариуса.

§ 2. Формулы университетских дарений.

Расплата за ошибки. — Свод мотиваций университетских дарений. — Вновь о парижских нотариусах. — “Личное клеймо”. — Стереотипы и их элементы. — Формулировки провинциальных актов, их характерные черты. — Три концепции университетского образования. — Экскурс в историю университетов. — Обнадеживающие итоги.

В моей монографии, основанной, как мы помним, только на работе с публикацией нашего источника, одна из глав называлась “Слово — дарителям” и содержала анализ формул мотиваций университетских актов. Я старался выделить социальную типологию формул и строил гипотезы относительно того, почему одни группы дарителей оказались гораздо “разговорчивее” других. Наименьшее число мотивировок содержалась в актах парижских буржуа, торговцев и ремесленников. Несколько чаще свои акты мотивировали чиновники. Но в целом акты провинциалов были гораздо “красноречивее” актов парижан, в особенности это относилось к крестьянам. Затем я постарался

⁵⁸ На удивление, сама форма акта совершенно не изменилась за все эти годы. В регистре присутствует запись, сделанная другим почерком: *apporté au Châtelet le 14 juillet 1550 par Jean Martin procureur du roi au Châtelet, comme tuteur ...du petit fils de Guillaume Sanguin (Y 95 f. 369).*

выделить формулы, наиболее типичные для определенных социальных групп и даже построил на этом некоторые гипотезы⁵⁹.

Как уже отмечалось, знакомство с оригиналом источника заставило пересмотреть некоторые положения моей книги, а для данной главы оно оказалось и вовсе разрушительным. Выяснилось, что мотивации содержатся практически в каждом акте и их печатное воспроизведение определялось исключительно приностью публикаторов. Они приводили или чем-то им приглянувшиеся, оригинальные формулы или же изредка те, которые представлялись им “типичными”.

Получив доступ к оригиналам регистров, я попытался хоть как-то исправить свой конфуз. И, хотя тематика моей работы была в ту пору совсем иной, мной была предпринята попытка выписывать все формулы мотиваций дарений, адресованных студентам и имена составивших их нотариусов. Относительно сжатые сроки моего пребывания в Национальном Архиве вынудили меня ограничиться только документами, относящимися к правлению Генриха II (1547–1559 г., серии Y 92–Y 100). Как мы помним, в этот период, начиная с 1553 г., акты стали составляться значительно реже. Поэтому неудивительно, что число актов в моей выборке оказалось несколько меньшим половины от общего корпуса — 546. Из них лишь 89 (примерно одна шестая) составлены провинциальными нотариусами. Как мы помним из предыдущей главы, доля провинциалов среди дарителей была не столь малой. Дело в том, что очень многие из них не составляли акты “по месту жительства”, но приезжали для этого в Париж.

Среди 457 парижских актов мне удалось выявить подписи 154 нотариусов (как мы помним, каждый акт в столице подписывали два нотариуса). Сразу следует оговориться, что все по тем же внешним причинам, в этом блиц-исследовании не удалось обойтись без погрешностей: в ряде случаев я, вероятно, не правильно транскрибировал имена. Так, например, “Augerard” и “Angeran” могут в действительности вполне оказаться одним и тем же человеком.

И все же возможная погрешность не должна быть слишком серьезной, ведь свыше ста нотариусов в данной выборке встречаются более одного раза, а из

⁵⁹ Уваров П. Ю. Французы XVI в.: Взгляд из Латинского квартала. М., 1994. С. 208–219.

пятидесяти “одиночек” не менее дюжины упоминаются в других, более надежных, источниках⁶⁰.

Таким образом, мы располагаем сведениями как минимум о 118 нотариальных конторах, функционировавших в Париже в течение двенадцатилетнего правления Генриха II. А ведь население города вряд ли сильно превышало в ту пору 250 тысяч жителей⁶¹!

Трудно определить, чем руководствовались нотариусы, выбирая себе партнера для скрепления акта. Узами родства или свойства, дружбой, опытом совместного обучения? Объяснений может быть много, и одни не исключают другие. Скорее всего, важна была территориальная близость контор. Во всяком случае, для тех из них, чья локализация известна, данное объяснение вполне подходит.

Насколько позволяют судить наши данные, такие пары не были непременно постоянными, но все же о некоторых предпочтениях говорить можно. Так, например, Анри Бержерон (Bergeron Henry) предпочитал действовать совместно с Шарлем Маё (Maheut Charles), их подписи стоят на пяти актах и только в одном случае Бержерон выбрал в напарники Рене Контесса (Contesse Rene). Рене Контесс, в свою очередь, часто составлял акты с Марком Руссо (Rousseau Marc) и Антуаном Леалем (Leal Antoine).

Наиболее устойчивые пары составляют Депрель (Depresle)—Буро (Boureau), Фелисак (Felissac)—Обер (Aubert), Франклен (Franquelin)—Ожирар (Augirard), Ленорман (Lenormant)—Роже (Roger), Мопу (Maupeau)—Бастонно (Bastonneau).

Бывают и более сложные конфигурации, например, “триады”: Кузен (Cousin)—Сорет (Soret)—Понтрэн (Pontrain), Буржуа (Bourgeois)—Крозон (Crozon)—Контесс (Contesse). Другие, например, Дюпон (Dupont) или Жаклен (Jaquelin) почти всякий раз выступают с новым партнером.

Однако выявление сетей социальных связей между нотариусами цель интересная и небесполезная, но не входит сейчас в нашу задачу.

Вернемся к формулам университетских дарений. Перспективы выявления социальных корреляций в выборе формул весьма туманны. В подавляющем большинстве случаев вне зависимости от своего социального статуса даритель

⁶⁰ Etat des notaires parisiens (des origines à nos jours) / Par M. Bonnot. Paris, 1993.

⁶¹ Лозинский А. А. О росте населения Парижа в XVI в. // Средние века. М., 1973. Вып. 37. С. 146–173.

или его нотариус выбирали одну из стереотипных формул. При трех основных смысловых блоках (“*жить и содержать себя в учении, иметь книги и все необходимое*”, “*содержать себя в учении, достичь степени и мудрости*”, “*вознаградить за любезные услуги*”) я насчитал полтора десятка основных комбинаций, отдельные из которых встречаются относительно редко. Но что определяло выбор той или иной формулы — индивидуальное волеизъявление клиента, “*мода*”, присущая той или иной социальной группе, или же стиль конкретной нотариальной конторы? Ранее, анализируя публикацию, я отдал предпочтение второму варианту. Но теперь очевидна большая правдоподобность последнего объяснения. Это явствует из анализа наименее употребляемых формул, как всегда, нам поможет демонстрирующая функция случаев отклонения от нормы.

Так, в общей массе пожеланий и мотиваций дарений, используемых в парижских актах, почему-то весьма редко упоминается желание помочь студенту покрыть свои расходы (издержки) на обучение (*supporter les fraiz de son estude*, вариант — *payer ses fraiz*). Однако нотариус Жак Юиселен (Huisselin) использует в четырех случаях из пяти термин “*fraiz*” — издержки: “*помочь оплатить издержки на его обучение*” (*ayder a payer les fraiz de ses estudes*).

Другой нотариус, Клод Деферкуа (Defercouy), предпочитал развернутую формулу “*чтобы помочь ему жить, содержать себя в учении и достичь в нем степени и мудрости*” (*pour luy aider vivre, s'entretenir aux estudes et y acquerir degtй et science*). Каждый из элементов этой фразы встречается часто, но их соединение было явлением относительно редким. Однако Деферкуа использует его в пяти случаях из семи.

Нотариус Д’Орлеан (D’Orleans) предпочитает более краткую формулу “*в пользу учения*” (*en faveur d'estude*), он пользуется этой формулой как клеймом, и даже у нотариуса Дюпре (Duprй), отнюдь не склонного к этой формулировке, словечко “*en faveur*” иногда проскальзывает в его актах, составленных совместно с Луи Д’Орлеаном.

Пара Понтрен—Сорет отличается тем, что в мотивации указывает помимо необходимости содержать себя и иметь книги еще и иметь одежду (*habillement*). А Этьен Дюмениль (Dumesniles) вообще не любил лишних слов и предпочитал указывать на одну только любовь, питаемую дарителем к студенту. Причем это выбор именно его, а не его основного партнера Ле Шарона (Le Charron). Ведь Ле Шарон ни разу не воспользовался этой усеченной формулировкой в тех

актах, минуты которых сохранялись в его кабинете (т. е. тех, на которых его подпись стоит на втором месте).

Таким образом, предпочтение, оказываемое той или иной формулировке могло быть чем-то вроде личного клейма нотариуса (или, возможно, его клерка). Порой, это “克莱мо” помогало мне компенсировать неразборчивость написания имени нотариуса. В сомнительных случаях употребление одной и той же (не вполне стандартной) мотивации дарения, да еще совместно с одним и тем же партнером, являлось достаточным основанием полагать, что мы имеем дело с разными вариантами обозначения одного и того же нотариуса. Но можно ли сделать отсюда какие-нибудь гипотезы историко-психологического характера?

Пока мне удалось это лишь в одном случае. Речь идет об актах, составленных Жаком Крюсе. Он использует разные формулы, не отдавая предпочтения какому-нибудь из стереотипов. В одном случае он вообще обходится без всякой мотивации, единственный из всех своих парижских коллег (речь идет о дарении уже знакомому нам женатому студенту)⁶², в другом говорит просто лишь о любви, в третьем — о необходимости содержать себя и иметь книги и получить степень. Однако в оставшихся шести случаях речь идет о подчеркивании временной продолжительности обучения и, соответственно, оказываемого благодеяния. Для этого он использует слова “*в будущем*” (a l’avenir) и “*продолжение*”, “*чтобы продолжить*” (continuation, continuer). Такие термины использовались и другими парижанами, но значительно реже. Можно ли предположить, что этот нотариус обладал неким особым чувством времени, отличавшим его от прочих коллег? Как мы увидим в следующем параграфе, именно он принадлежал к редкому числу тех нотариусов, которые предпочитали указывать точный возраст дарителя, даже если речь шла о дарениях по причине старости. Но случай с Жаном Крюсе уникален.

Итак, мотивации дарений в подавляющем своем большинстве были стереотипны, хотя определенная свобода выбора того или иного клише существовала. То, что она в значительной степени зависела от выбора нотариуса

⁶² Y 98, f. 338.

или, быть может, от традиций его конторы⁶³ — вполне очевидно, но гораздо сложнее ответить на вопрос о роли клиента в этом процессе.

Обратимся теперь к анализу основных элементов стереотипных мотиваций. Чаще всего говорится о любви, питаемой дарителем по отношению к студенту. Это необходимый элемент всякого, а отнюдь не только университетского дарения. Ведь в противном случае акт мог бы быть истолкован как сделка: скрытая купля-продажа, аренда, рентный договор. Понятно, что корыстные побуждения могли присутствовать и в акте, украшенном фразой о “доброй любви”, но с формальной точки зрения его уже можно было считать именно дарственной. Иногда следовало уточнение — любовь могла именоваться “отеческой”, “материнской”, “братской”, “сестринской”, или же обобщенно “природной” (*naturel*), в значении “родственной”. В некоторых случаях (здесь вероятна инициатива дарителя) любовь также характеризовалась как “искренняя” (*vray*), “добрая” (*bon*), “законная” (*loyal*), “пламенная” (*fervent*), а в одном случае говорится о “доброй родительской дружбе” (*bon amity paternelle*⁶⁴) — дарение сеньора Жана Ле Прево, ординарного сборщика Санлисского бальяжа).

Одной из общеупотребительных формул было указание на необходимость “содержать себя” (*soy entretenir*), “содержаться в дальнейшем” (*s'entretenir à l'advenir*). Это также не было специфически-университетской чертой. Подобным образом желали “содержать себя в браке”, да и многие простые дарения предназначались для того, чтобы одариваемый мог “содержать себя в

⁶³ Посещение одной из московских контор позволило мне предположить существование еще одного фактора, влиявшего на выбор формулировки. У нотариуса могла быть своя, “коронная” формулировка (в Москве она есть у сотрудников со стажем, даже не столько у самих старших нотариусов, сколько у опытных машинисток), но если речь идет о составлении нового акта на основании старого, то нотариус мог охотнее воспроизводить имевшийся перед глазами текст (в нашем случае — либо “болванку”, заготовленную клиентом или его доверенным лицом, либо старую дарственную, если речь шла о ее продлении или переоформлении). Этим может объясняться отсутствие “монополии” той или иной формулы в актах, составленных даже теми нотариусами, кто был больше других склонен прибегать к “личному клейму”.

⁶⁴ Y 98, f. 54.

будущем”. Университетский характер дарений проявлялся в уточнениях: “содержать себя в школах”, “в колледжах”, “в университете” и т. д. Возможны были некоторые варианты, глагол “entretenir” либо заменялся глаголами “subvenir”, “soustenir”, “se maintenir” (споспешствовать, поддержать, продержаться), либо соседствовал с ними. Одна из формул несколько проясняет различие между смысловыми оттенками — шотландский студент, помогает двум другим своим братьям-студентам, “чтобы помочь им содержать себя в изучении и споспешствовать им в других их делах (pour ayder a les entretenir a leurs études et subvenir aux autres affaires)”⁶⁵.

Как мы уже поняли, порой возможна была несколько иная формулировка — “выдержать расходы на обучение” (*fraiz d'estude*), которая употреблялась гораздо реже. К числу сравнительно редких относится также фраза: “оплачивать свои надобности для обучения” (*payer ses nécessités pour estudier*). Иногда упоминаются составляющие этих “расходов” и забот о “собственном содержании” — на необходимость приобретать одежду (*habillement*) указывается в двух актах, составленных нотариусом Понтреном (*Pontrain*), еще дважды говорится о пожелании “содержать себя достойно” (*honnestement*). Достаточно часто (41 акт) речь идет о необходимости покупать книги, рассматриваемые как атрибут университетской жизни. Только в трех конторах нотариусов Перье (*Perrier*), Понтрена (*Pontrain*) и Вале (*Valet*) упоминание о книгах может рассматриваться как “личное клеймо”, в остальных случаях пожелания иметь книги распределены достаточно равномерно как между нотариусами, так и между категориями дарителей.

Формула “в честь обучения” (*en faveur d'estude*) употребляется всего лишь в 17 парижских актах, из которых шесть составлены парой Д'Орлеан-Дюпре. Похоже, что это реликтовая, архаичная формула — именно она в виде примера встречается в переводных итальянских учебниках и она же употребляется в акте парижского буржуа Жана Бернара, единственном документе из всей нашей выборки, почему-то составленном целиком по латыни (нотариусы Дюваль (*Duval*) и Роже (*Roger*))⁶⁶.

В том случае, когда в формулировках присутствуют глаголы “достичь” или “снискать” (*acquerir*, *parvenir*), университетская специфика проявляется в

⁶⁵ Y 97, f. 298.

⁶⁶ Y 95, f. 35v.

употребляемых с ними существительных косвенного падежа. И в подавляющем большинстве случаев дарители желают студенту достичь степени (*degr *). Это слово в том или ином виде встречается более чем в дух третях всех случаев (347 актов). Причем, наиболее употребимой является формула, совмещающая указание на испытываемое чувство любви, с пожеланием содержать себя в учении и достичь степени в оном (172 акта). Таким образом, в ней соединены три самых частотных термина, что делает эту формулу наиболее типичной для университетских дарений.

Еще в 42-х случаях к этой триаде добавляется также и глагол “*vivre*” (жить). Он, в отличие от многих других, не отражает специфику какой-либо конторы, но распределен равномерно по всему списку. Исключение, пожалуй, составляет нотариус Жан Фелиссак, для которого именно это слово может рассматриваться в виде “фирменного клейма”.

Помимо университетской степени объектом достижения в формулировках выступает “*знание*” или “*мудрость*” (*science*). Этот термин использован в 38 случаях. Он может считаться “излюбленным” термином нотариуса Рене Контесса, который использует его в 9 своих актах из 12, для Клода Деферкура (5 актов из 8), правда в последнем случае к глаголу “*entretenir*” добавлен глагол “*vivre*”, а также для нотариуса Россиньоля (*Rossignol*) (5 из 8 актов).

А вот пожелание достичь “*образованности*” (*lettres*) встречается в данной выборке лишь у нотариуса Тьерио (*Thierot*) в трех из семи его актов. “*Содержать себя в [постижении] образованности*” желает своему малолетнему сыну землепашец (*s'entretenir aux lettres*)⁶⁷. С другим предлогом употребляется это слово в акте торговца готовым платьем (*s'entretenir *is* lettres*)⁶⁸. В более развернутом виде это пожелание высказано вдовой парижского ювелира: “*s'entretenir en l'estude des bonnes lettres et en icelles acquerrir degr *”⁶⁹. Похоже, что в данном случае, мы имеем дело не с социальной корреляцией и не с выражением чувств дарителя, но с обычаями нотариуса.

Иначе обстоит дело с пожеланием духовной карьеры — достичь “*святых духовных чинов*” (*saintes ordres de prebstrise*) или снискать “*священническое достоинство*” (*dignit  de prebstrise*). В парижской части нашей выборки такие

⁶⁷ Y 93, f. 107.

⁶⁸ Y 94, f. 270.

⁶⁹ Y 97, f. 38.

формулировки встречаются в шести актах, причем, все они составлены разными нотариусами. В трех случаях их авторами являются крестьяне, в одном священник, в другом стряпчий из маленького городка в Бовези, в третьем уже известный нам президент Счетной палаты, адресующий дарение своему “*слуге и крестнику*”. Некая “*крестьянская*”, а точнее, “*провинциальная*” специфика данных формулировок вполне вероятна, но нуждается в проверке на более представительном материале.

Анализируя формулы мотивировок университетских дарений, составленных парижскими нотариусами, мы без особого труда выделили несколько стереотипных вариантов. Но проделать аналогичную работу с актами, составленными в провинции, оказалось намного сложнее.

Актов, составленных провинциальными нотариусами, в регистрах Штаде, как мы поняли, немного — всего 89 (против 457 парижских актов). Первое, что бросается в глаза при сопоставлении парижских дарений с провинциальными, гораздо меньшая степень унификации последних. Сама мотивация вместо привычного в Париже расположения в конце документа, может, порой, оказаться в самом его начале (в восьми случаях), а один раз в середине документа, а в двух актах мотивации вообще нет⁷⁰. Указание на любовь, питаемую дарителем к студенту, отсутствует здесь гораздо чаще, чем в парижских актах. Словосочетания, казавшиеся у парижских нотариусов, неотделимыми друг от друга, в провинции могут спокойно расчленяться. Так, например, если в Париже употреблялся термин “*мудрость*” (*science*) как объект достижения, то непременно в сочетании с термином “*степень*” (*science et degrés*), в то же время акты, составленные нотариусами из Этампа и Монбрисона⁷¹, содержат пожелания достичь лишь мудрости. Впрочем, формализовать отличия провинциальных актов от парижских не имеет особого смысла, слишком различались обстоятельства их составления. В Париже мы можем констатировать одинаковые для всех условия составления актов, высокую степень унификации, подкрепленную разнообразием форм контроля. В провинции ничего подобного не было. Одни акты составлялись нотариусами, находившимися в крупных судебных центрах с относительно развитой административно-правовой традицией, где существовали даже коллегии нотариусов (таких, например, как нотариусы Орлеанского Шатле), другие

⁷⁰ Y 97, f. 95v.; Y 97, f. 362.

⁷¹ Y 93, f. 314v.; Y 93, f. 387.

присяжными письмоводителями провинциальных бальяжей и кастеллянств, адвокатами местного суда или муниципальными службами (например, мэром и эшевенами Амьена⁷²). Трудно ожидать от парижских актов формулировок, наподобие пожелания, зафиксированного присяжным письмоводителем города Шабли. Он составил знакомый нам акт для коллектива виноградарей, с тем чтобы, студент “*мог иметь бы впредь лучшую возможность достичь мудрости и светской образованности, за что признательность к ним он смог бы лучше сохранить в будущем, а также как напоминание о добрых и любезных услугах, которые они надеются получить от указанного Этьенна Митеса*” (mieulx su apres de pouvoir parvenir aux sciences & lettres humaines, dont iceulx recognassans puissent estre supportez a ladevenir et aussi en commemoration des plaisirs et agréables services qu'ilz espirront recevoir dudit Estienne Mitais)⁷³.

Это дарение уже приводилось нами в предыдущей главе, но только теперь, получив представление о высокой степени унификации нотариальных актов, мы можем оценить всю степень оригинальности данной формулировки.

И все же некоторые общие наблюдения можно сделать и относительно группы провинциальных актов в целом.

На примере только что процитированного акта, мы видим, что мотивировках провинциальных дарений могут быть ярче выражены “меркантильные” мотивы, или, что вероятнее, они просто хуже скрыты, чем столичных актах. Часто сообщается, что со студентом хотят “*быть квитами*” (demeurer quitte). Так, в одном случае речь идет о расчете за долг в сумме 100 ливров⁷⁴, в другом — о сумме в 30 экю⁷⁵, характерно, что в этих актах отсутствуют упоминания о “доброи любви” дарителя. Студента вознаграждают за “*добрые и любезные услуги*”, ожидая, как в случае с Этьеном Миттесом, ответной признательности, возмещения понесенных расходов⁷⁶ или же рассчитывают избежать в будущем судебных процессов. В целом, доля таких “меркантильных” актов в провинции в четыре раза выше, чем в Париже (11:89 в первом случае и 13:457 во втором).

⁷² Y 98 f. 191v.

⁷³ Y 95, f. 32.

⁷⁴ Y 95, f. 299.

⁷⁵ Y 95, f. 303.

⁷⁶ Y 96, f. 126.

Доля актов, в которых отмечается необходимость несения расходов на обучение, также несколько большая у провинциалов, нежели у парижан. В шести случаях в той или иной форме говорится о необходимости несения расходов на содержание (*supporter les fraiz, subvenir les fraiz, fournir aux frais*) или в более развернутом виде — “вынести издержки и оплатить расходы на существование” (*subvenir aux frais et payer ses depences a l’existence*). Чаще, чем в Париже, провинциалы конкретизируют эти расходы, в четырех случаях говорится о расходах на еду (*aliments*), на оплату питания и пансиона. Наряду с общим и, как мы помним, весьма распространенным в Париже пожеланием “содержать себя”, встречаются указание на необходимость достойного поддержания своего статуса (*entretenir honnêtement*), также в четырех случаях. И еще в четырех актах отмечается необходимость приобретения книг, в то время как в Париже эта формула встречалась чаще.

В двух актах говорится о достижении “образованности” (*lettres*), вспомним, что Париже, эту формулу использовал лишь один нотариус. В четырех актах говорится о достижении мудрости или как в акте, составленном в Монбриссоне, о “почтенной мудрости” или “почтенных науках” (*sciences honnables*)⁷⁷. Так же как в Париже, хотя и не с таким колоссальным преобладанием, наиболее распространенным является пожелание достичь степени (в восьми случаях). Причем в одном акте, составленном в Вермандуа, употреблена странная формула: “достичь каких-нибудь степеней” (*parvenir aux quelques degrés*)⁷⁸.

Если мы говорили о своеобразном “меркантилизме” провинциальных актов, то это в некотором роде проявляется и в пожелании молить Бога за дарителя. Если в Париже эта фраза встречается лишь однажды⁷⁹, то в провинции — у четырех дарителей. Еще в четырех случаях речь идет о пожелании церковной карьеры. Вспомнив, что в Париже таких актов было шесть, но что пять из них были составлены провинциалами, мы впервые получим социально-окрашенную характеристику — стремление видеть одариваемого студента священником и надежды на то, что студент будет возносить молитвы за дарителя, является признаком провинциализма. Большинство из авторов таких дарений не просто провинциалы, но сельские жители. Так, ткач Жан де Фэ, желавший студенту

⁷⁷ Y 93, f. 314 v.

⁷⁸ Y 99, f. 137.

⁷⁹ Y 92, f. 183.

“лучше содержать себя в школах и достичь святых церковных чинов, а после молить Бога за дарителя”⁸⁰, проживал в приходе Сен-Реми близ Шевреза, то есть был сельским жителем.

Но кого характеризует этот провинциализм — местных нотариусов или их клиентов? На сей раз справедливым кажется последнее предположение. Вот, например, крестьянская чета из Эрбле-сюр-Сенн, что близ Кормея, составила дарение, “учитывая свое расположение к Антуану де Валару, крестнику указанной пары, а ныне студенту Парижского университета, каковой возымел с Божьей помощью намеренье достичь сана священства, а также с тем, чтобы он смог легче содержать себя в учении и достичь указанного сана”⁸¹. Это дарение, очень похожее на другие крестьянские акты, составлено не каким-нибудь местным стряпчим, а опытным парижским нотариусом Этьеном Брюле, отнюдь не склонным к выбору пышных мотивировок. Очевидно, что в этом, как и в других случаях, сельские жители, даже оказавшись в Париже, могли сохранить свое представление о целях университетского образования. И то, что провинциалам это удавалось даже в условиях сильнейших унификаторских тенденций, характерных для парижского нотариата, лишь подчеркивает крепость их убежденности в церковном предназначении университетской карьеры.

Если же мы выйдем за пределы нашей выборки и привлечем те, пусть даже фрагментарные данные, которые содержатся в материалах публикации, то эта тенденция будет выражена еще более отчетливо. Так, например, Пьер Белиар, землепашец-портной из окрестностей Сен-Клу, и его жена желали сыну “достичь священных духовных чинов и достойно содержать себя в этом звании (plus honnestement gouverner et entretenir audit estat), посвятить себя Божественной службе (vaquer au service devyn) и молить Бога за своих родителей”⁸². Аналогичная формула встречается и в акте крестьянской четы из Шампсене, что близ городка Ножан-сюр-Сен⁸³.

Тюетей и Кампардон донесли до нас сведения о 14-ти дарителях, сообщивших о своем желании видеть студента священником (на деле их могло

⁸⁰ Y 97, f. 194.

⁸¹ Y 98, f. 413v.

⁸² IRI. 931.

⁸³ IRI. 1573.

быть и больше). Среди них был президент Жан Бриссонэ, скромная вдова прокурора парижского Шатле, парижский каноник, сельский священник, поденщик (*manouvrier*), и его родственник — провинциальный купец, сельский ремесленник, и шестеро крестьян (землепашцев и виноградарей). “Белой вороной” в этой компании смотрятся лишь президент Счетной палаты, адресовавший акт своему слуге и крестнику, да университетский деятель, каноник Франсуа Муассан⁸⁴. В остальных случаях гипотеза о “сельском”, по преимуществу, крестьянском, характере подобных установок подтверждается.

Вспомним красноречивое дарение землепашца Жана по имени Жан, о котором мы говорили во второй главе, и признание его сына, “указавшего на степень и достоинство священника”. Видеть сына священником было вековой мечтой крестьян, практически единственной надеждой на быстрое изменение социального статуса семьи⁸⁵. Но речь идет не столько о прагматическом подходе, указывающем на наиболее реальный путь социального продвижения, сколько о концепции, рассматривающей образование как частный случай снискания божественной мудрости, а знание ценившееся как нечто сакральное.

В уже многократно упоминавшемся акте, адресованном Этьену Миттесу, виноградари при помощи местного присяжного письмоводителя, желают студенту “достичь мудрости (знаний) и светской (людской) образованности” (*parvenir aux sciences & lettres humaines*). С точки зрения нотариальных форм,

⁸⁴ Забегая вперед, можно предположить, что подобная роль “белой вороны” уже служит достаточным основанием для того, чтобы предпринять разыскания биографического характера, наверняка выплынет что-нибудь или необычное, или весьма поучительное. Казус Мауссана был рассмотрен нами в предыдущей главе (с.154-155), а к Жану Брисонэ мы еще вернемся в главе следующей.

⁸⁵ Достаточно красноречиво об этом пишет в своей замечательной автобиографии швейцарский гуманист крестьянского происхождения Фома Платтер. Поскольку в момент его рождения зазвучал благовест, родственники решили, что ему повезет стать священником. Когда же он, движимый реформационными убеждениями, вступил в брак и вместе с молодой женой открыл школу в родной деревне, то вызвал недовольство односельчан “уж лучше бы ты привез с собой девку, ведь теперь не бывать тебе священником”. См. *Платтер Ф. Жизнеописание Фомы Платтера // Сперанский Н. В. Очерки по истории народной школы в Западной Европе. М., 1898.*

эта фраза выглядит своеобразной “оговоркой”, но нельзя ли, уподобясь психоаналитикам, предположить в таких оговорках информацию о глубинных пластах культуры? “Мудрость” (science) понимается, как нечто божественное, “образованность” (lettres) — как человеческое⁸⁶. Два термина если не противопоставляются по смыслу, то, во всяком случае, разделяются. В таком случае неудивительно, что студентам гораздо чаще желают “достичь” или “снискать мудрости”, нежели достичь “образованности”. Как бы то ни было, предписание молить Бога за дарителя встречается только в актах, составленных провинциалами. Не потому ли, что студент, достигший либо “мудрости” вообще, либо “святых духовных чинов”, в частности, должен быть ближе к Богу?

Мы вправе теперь сделать два вывода. Первый относится к существованию особой концепции образованности, которую условно можно назвать “сакральной”; в нашей выборке она характерна по большей части для деревенских жителей. Второй вывод претендует на большее: вопреки нотариальному принуждению, в выборе формулировок дарители могли быть вполне самостоятельны и активны, если считали нужным. Ведь удавалось крестьянам сохранять свои формулировки в унифицированных парижских актах.

Но тогда в новом свете предстает весь набор стереотипных мотиваций университетских дарений. Конечно, на выбор той или иной формулы большое влияние оказывали и привычки нотариуса, и примеры, взятые из какого-нибудь учебника по нотариальной практике, но при этом роль клиента не была пассивной, он оставлял за собой возможность самостоятельного участия. Если даритель не вмешивался, то это означало, что он с большей или меньшей степенью сознательности одобрял предложенную формулировку. Таким образом, собранные нами формулы университетских дарений являются своеобразным отражением общественного консенсуса по поводу ценности университетского образования. Следовательно, основные “кусты” нотариальных мотиваций университетских дарений соответствуют основным комплексам массовых представлений о ценности университетского образования.

⁸⁶ На Божественный источник мудрости указывает старая максима “*знание – дар Божий и продаваться не может*” (*scientia donum dei est unde vendi non posset*).

Один из таких комплексов мы можем назвать “**сакральной концепцией**”, которая, по всей видимости, была наиболее древней. Но разумеется, сакральная концепция не была ни единственной, ни преобладающей. За образованием признавали несомненную ценность, способную принести пользу в земной жизни. Здесь, как и ранее, особо ценные акты провинциалов, более склонных к “оговоркам”, прорывавшимся сквозь жесткие формы стереотипов. Закончить, довершить, “продолжить” образование нужно в первую очередь потому, что это принесет выгоду: “*содержать себя [в учении], если ему будет угодно, и извлечь свою выгоду*” (s’entretenir, si bon luy semble, et faire son prouffict)⁸⁷, как отмечается в акте одного из провинциальных купцов. Другой провинциал выражается более поэтично: нотариус-шатлен из Божоле (впрочем, свой акт он составил не у себя, а в парижской конторе нотариуса Тома Карто) желает сыну содержать себя в учении и “*снискать плод мудрости*” (acquerir le fruct de science)⁸⁸. Тот факт, что дарителем является человек, отнюдь не чуждый нотариальной культуре, свидетельствует в пользу сознательности выбора именно этой, несколько необычной, но, по-видимому, искренней мотивации. Но в чем мыслилась сладость этого плода? Другой юрист-профессионал, Франсуа Дюпюи, бездетный адвокат Парламента, передал один из своих парижских домов тем из племянников, которые захотят учиться в университете “*с тем, чтобы они сумели достичь степени и мудрости и смогли бы принести пользу родным и друзьям*”⁸⁹. Мотив пользы звучит и в акте его коллеги — парижского адвоката Рауля Сифама. Совместно с женой им составлено дарение сыну, “*какового они хотят отправить учиться в прославленные университеты королевства, чтобы он был образованным и воспитанным в наилучших науках (institut et endocrin en bonnes lettres), чтобы придать ему желание к продолжению занятий и побудить его наилучшим образом извлекать из них пользу (mieux proffiter d’icelles)*”⁹⁰.

Эта формула служит лучшей иллюстрацией к тому, что мы можем назвать “**прагматической концепцией**”. Она является вполне утилитарной и вполне светской: хорошее образование (причем именно “*образование*”, а не

⁸⁷ Y 98, f. 279v.

⁸⁸ Y 97, f. 461.

⁸⁹ Y 93, f. 17v.

⁹⁰ Y 87, f. 314.

“мудрость”, памятуя о дихотомии sciences/lettres) дает стимул к продолжению обучения в прославленных университетах, а это в свою очередь ведет к получению выгоды. Но сформулированная, по-видимому, самим Спифамом⁹¹ на редкость ясно, и, казалось, должна отражать чаяния многих дарителей, эта мотивация остается очередной “белой вороной”, чем-то уникальным и неповторимым.

В любом случае, никто из дарителей не конкретизирует этой выгоды, только лишь намекая на нее. Быть может, она виделась в обретении определенного социального качества: “чтобы он смог стать порядочным человеком” (*qu'il pourra parvenir a estre homme de bien*), как гласила одна из формулировок⁹². Наиболее красноречивым в этом отношении мне показалось дарение прокуроранотариуса из Бур-Арженталя, который пожелал своему племяннику “достичь состояния мудрости и попасть в число людей знания” (*parvenir au faict de science et au nombre des gens de savoir*), так значилось в Регистре Шатле⁹³. К сожалению, при сверке этой записи с подлинником нотариальной минуты (контора Дюпре) выяснилось, что мы имеем дело с редким случаем ошибки клерка Шатле. Переписывая акт, он выпустил часть фразы, которая в оригинале звучала следующим образом: “достичь состояния мудрости, попасть в число порядочных людей и снискать знания” (“*parvenir au faict de science et au nombre des gens de biens et acquerir savoir*”). Впрочем, эта ошибка, по-видимому, и была порождена нестандартностью формулировки — термин “*savoir*” встречается в нашей выборке лишь в этом акте. Он, как и предыдущие, остается исключениями, в подавляющем большинстве случаев объект “достижения” и “снискания” указан более конкретно, это университетская степень. Собственно, даже если речь в акте идет о достижении “мудрости”, все равно этот термин употребляется в обязательной связке с указанием на получение степени (degr^e)⁹⁴.

⁹¹ Спифам составлял этот акт у нотариуса Венсана Мопу, а вовсе не у Тьерио, единственного из парижских мэтров, имевшего склонность употреблять этот термин.

⁹² IRI. 1050.

⁹³ Y 94, f. 357.

⁹⁴ Наша выборка для актов парижских нотариусов знает лишь одно исключение — тот самый акт, где речь идет о “*плоде мудрости*”, в провинции, как

Характер искомой степени уточнен в актах лишь однажды — в акте провинциального судебного секретаря (greffier), пожелавшего студенту-медику “*достичь докторской степени на этом факультете медицины Парижского университета*”⁹⁵. В остальных случаях всегда говорилось о степени вообще, а один раз, опять же в провинциальном акте, составленном в Вермандуа, говорится даже о “*каких-нибудь степенях*” (parvenir aux quelques degrés)⁹⁶.

Если **сакральная** концепция была выражена слабо и носила периферийный характер, а **прагматическая** концепция вообще лишь угадывается в легких намеках, то концепцию **статусную**, видевшую обретение степени, обретение особого социального качества главной целью университетского образования, трудно не признать доминирующей. Ведь термин “степень” в Париже присутствует более, чем в двух третях актов, да и в провинции преобладание его было хоть и не столь подавляющим, но все же несомненным. Поистине, как гласит отечественный академический фольклор — “ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан”.

Какое же значение имеет то, что подавляющее число французов XVI в., составлявших дарения в адрес студентов, соглашались с тем, что главным смыслом университетского образования является обретение степени?

Как ни странно, мы получили в руки весьма весомый аргумент в споре о природе университета, в споре, который велся издавна и ведется поныне. Позволим себе небольшой историко-историографический экскурс.

Для чего существует университет? Чтобы готовить специалистов того профиля, который на данный момент нужен обществу, чтобы добывать новые знания, или чтобы формировать людей, наделенных некими особыми качествами? Понятно, что эти три задачи могут быть разделены лишь в теории, но от расстановки акцентов зависят и оценка роли университетов в обществе, и определение стратегии образования. Утилитарный подход делает упор на первой и, частично, на второй задачах. Противоположный ему подход, назовем его “антиутилитарный”, на последней. В XVIII и, особенно, в XIX столетии

отмечалось, в трех актах присутствовало такое разведение терминов “degré” ? “science”.

⁹⁵ Y 94, f. 361v.

⁹⁶ Y 99, f. 137.

спор между этими подходами был ожесточенным и плодотворным. Особую интенсивность он имел в Германии, Англии, а несколько позже и в России⁹⁷.

Считается, что эпоха Просвещения и питаемые ее импульсами более поздние рационалистические доктрины настаивали, в соответствии с парадигмой Джона Локка, на pragматическом подходе к университетам с позиции пользы и “общественного интереса”, где университетам отводилась роль важного элемента государственной машины. В свою очередь университетские реформаторы эпохи романтизма (в том числе Вильгельм фон Гумбольдт в Берлине и Джон Ньюмен в Дублине) старались придать (или вернуть) университету независимость, порой даже используя метафору “башни из слоновой кости”. Основная цель университета, по Джону Ньюмену, — воспитывать настоящих джентльменов. По Гумбольдту же — “государство... вообще ничего не должно требовать от университетов непосредственно для себя, а должно проникнуться тем внутренним убеждением, что достигая своих конечных целей, университеты тем самым отвечают и его конечным целям, и отвечают с высшей точки зрения, откуда открывается гораздо более широкий горизонт, причем в их распоряжении находятся такие рычаги и силы, какими не располагает само государство”⁹⁸. Совпадение целей государства и университета видится в подготовке личностей, наделенных особыми качествами — способностями к самостоятельному мышлению и саморазвитию, наделенных, по выражению немцев, “мужественной верой в себя и в идею правды и свободы”⁹⁹. Пруссия, разбитая Наполеоном I, не пошла по пути своего победителя, ведь во Франции революция уничтожила все университеты, а в наполеоновскую эпоху была создана рациональная система Высших школ, где под строгим государственным контролем и по государственным программам готовили необходимых для общества специалистов. В Берлине же был в 1809 г. университет, получивший максимальную академическую свободу как в выборе программ, так и в подборе преподавателей. Будущее показало, что в эти годы

⁹⁷ Захаров И. В., Ляхович Е. С. Миссия университета в европейской культуре. М., 1994; Уваров П. Ю. Университеты Российской империи (в защиту “идола истоков”) // Диалог со временем. М., 2001. Вып. 7. С. 207–223.

⁹⁸ Цит. по: Паульсен Ф. Исторический очерк развития образования в Германии / Пер. с нем. под ред. Н. В. Сперанского. М., 1908. С. 205–206.

⁹⁹ Там же. С. 207.

закладывалось превосходство немецкой академической системы: профессора, вышедшие из немецких университетов эпохи “романтизма”, воспитали того самого немецкого учителя, который как известно, сперва победил австрийцев при Садовой, а затем и Наполеона III под Седаном и заставил-таки французов перенимать германский опыт академической свободы.

Но так ли уж противоположны были просветительская и романтическая (то есть утилитарная и антиутилитарная) концепции университетского образования? Плоть от плоти философии Просвещения, М. В. Ломоносов в середине 1750-х г. выделил главные условия для полнокровной жизни университета в России:

—по возможности полное самоуправление, подкрепленное надежными привилегиями;

—право корпорации присуждать ученые степени (“ученые градусы”);

—включение обладателей университетских степеней в систему Табели о рангах, признание равенства университетского статуса и степени дворянскому состоянию¹⁰⁰.

Ломоносов очень хорошо, “изнутри”, изучил европейскую университетскую систему и благодаря своим недюжинным аналитическим способностям сумел вычленить три самых главных и взаимозависимых элемента этой системы. Университет должен представлять собой независимую корпорацию, пользующуюся от государства привилегиями, но свободную от его мелочной регламентации. Только такая корпорация сможет присваивать полноценные “ученые градусы”, свидетельствующие о достижении их обладателем особых достоинств, способных придавать новое социальное качество. Из какого бы сословия не происходил студент, по достижении степени он становится равен дворянину и не менее важен для общества.

Тогда, в середине XVIII в., ни один из пунктов программы Ломоносова не был реализован. Но с течением времени стихийно, зачастую вопреки намерениям властей, указанные тенденции начинали так или иначе пробивать

¹⁰⁰ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 538–539; см. также Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи, XVIII в.–1917 г. М., 1994.

себе дорогу в повседневной жизни Московского университета¹⁰¹. Полностью “ломоносовская” программа была претворена в жизнь при Александре I. Весьма любопытны аргументы, выдвигавшиеся в николаевскую эпоху сторонниками свертывания университетских свобод, и пересмотр “Александровских” уставов. Так, Д. Рунич видел “корень зла в копировании уставами неприемлемых готических форм”¹⁰². И этот гонитель Санкт-Петербургского университета был по-своему прав. “Идея университета” имела средневековое происхождение и системообразующие элементы этого любопытнейшего института в принципе мало изменились.

Уже в XIII веке важнейшим постулатом университетской культуры был тезис о том, что ее носители обладают некими особыми качествами, ставящими их выше прочих смертных, и уж никак не ниже традиционной феодальной элиты — “мирян, простых и невежественных, не имеющих письменных добродетелей”¹⁰³. Клирик имеет больше оснований быть “благородным, куртуазным и мудрым / В силу того, скажу я вам, / Что ни князь, ни король / Не используют книги, / Поскольку клирик видит в книгах / При помощи знаний доказуемых, / Умозрительных и демонстрируемых / Все зло, которого надо там осторегаться / И все блага, которые оттуда можно извлечь”¹⁰⁴, пояснял автор монументальной второй части “Романа о Розе”, магистр парижского университета Жан де Мен. Кроме того, университет, согласно тому же автору “хранит ключи от всего христианского мира”, или, по Жану Жерсону (начало XV в.), является “стражем на башне христианского мира”¹⁰⁵. То есть

¹⁰¹ Университет для России: Взгляд на историю культуры XVIII столетия / Отредактировано В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой. М., 1997. С. 101.

¹⁰² Рунич Д. П. Из записок // Русская старина. СПб, 1901. Т. 106. С. 382.

¹⁰³ “Les gens lais, simples et nices, qui n’ont pas les vertus escriptes” // *Guillaume de Lorris et Jean de Meung. Le Roman de la Rose* / Ed. D. Poirion. Paris, 1974. N 18670.

¹⁰⁴ “D’estre gentil, courtois et saige / Et la raison vous en dirai / Que n’ont le prince ni le roi / Qui ne servent de lettreure / Car li clers vont en scripture / Avec les sciences provees / Raisonaible et demontrees / Touz maus dont l’ent se doit retrair / Et touz les biens que l’en peut faire” // Ibid. N 18640.

¹⁰⁵ Ibid. N 11793-11796; Gerson J. Œuvres complètes / Ed. par P. Glorieux. Paris, 1968. T. 7. P. 767, 1010, 1145.

выполняет чрезвычайно важные социальные функции и потому университетские магистры могут претендовать на равное положение с “*теми, кто рыщет с псами средь полей*”¹⁰⁶.

Где-то на рубеже XII–XIII в. этос “университетский” начал отделяться от более древнего “священнического” этоса мудреца. Отделение это шло долго и осуществлялось далеко не полностью (отсюда элементы “сакральной” концепции, наблюдаемые на нашем материале). Новая самоидентификация университетских интеллектуалов основывалась на том, что в результате ученых занятий они становятся обладателями новых качеств, “*письменных добродетелей*” и главное свойство университетской корпорации — осуществлять эту важнейшую функцию — фиксировать моменты перехода в новое качество. Этой задаче и служила университетская степень, ставшая краеугольным камнем всей университетской системы.

Собственно говоря, и в Средние века, и в Новое, да и в Новейшее время существовало немало альтернативных университетам образовательных структур и институтов, многие из которых давали образование, более приближенное к потребностям общества, были гораздо эффективнее университетов (коллегиумы нищенствующих орденов, городские и частные школы, соборные школы, институт ученичества, домашнее образование и др.). Но конкуренты и критики университетов, которых всегда было немало (в рассматриваемый нами период XVI столетия это были гуманисты, а чуть позже протестанты и иезуиты) стремились так или иначе интегрироваться в университеты, подчинить их себе или, в крайнем случае, основать свои собственные университеты.

Притягательность университетов заключалась в том, что только они имели право присуждать степени; причем, имея статус “*Studium generale*”, в силу привилегий, выданных универсальной властью, университеты могли присуждать “*licentia ubique docendi*” — свидетельство, признаваемое повсюду в христианском мире. Ни одно другое, пусть даже самое передовое учебное заведение не обладало таким правом. И это прекрасно осознавали современники. “*Одни школы являются законными (autentica), другие же незаконными (leninota). Та школа является законной, чьи занятия были похвальным образом утверждены апостольскими привилегиями и императорскими свободами; среди них, например, школы Парижская,*

¹⁰⁶ *Guillaume de Lorris et Jean de Meung. Le Roman de la Rose... N 18752.*

Болонская, Падуанская и Оксфордская. Школа меньшего достоинства – незаконная, не имеющая привилегий глав мира.... И большие различия в них происходят от того, что в законных школах готовятся воины [научных баталий] и господа наук увенчиваются ..., чтобы радоваться как одеждам, так и особым свободам; они пользуются также особым уважением как светских, так и духовных глав не менее, чем [уважением] народа, и такие магистры и господа наук титулуются похвальным образом. В незаконных школах сколько бы магистры ни кормились своей деятельностью, она не связана с привилегированным титулом...”¹⁰⁷.

В этом анонимном трактате XIV в. “О похвале клиру” как о само собой разумеющихся говорится об основных отличительных чертах университета: наличие особых свобод и привилегий, способность присуждать академические степени (привилегированные титулы), признаваемые во всем христианском мире, притязания на равенство обладателей таких степеней благородным воинам. Нетрудно узнать здесь черты, знакомые нам по “ленинградской” программе.

Но и в современном обществе, по мнению столь известного социолога, как Пьер Бурдье, главная функция ученой степени заключается в “социальной магии”, то есть в способности придавать человеку новое, относительно высокое социальное качество, наделяя его социально признанным символическим капиталом¹⁰⁸.

Принципиально важно при этом, что полноценность университета и выдаваемых им степеней гарантировалась академической свободой корпорации. Как бы далеко ни заходил контроль со стороны властей, они не могли, да и не хотели отменять принципы выборности университетских должностей, свободы дискуссий и не должны были вмешиваться в процесс присуждения степеней. Значение этого “дара христианского Средневековья Новой Европе”¹⁰⁹ полезно осознавать и в современной России при обсуждении университетских реформ.

¹⁰⁷ De commendatione cleri // University records and life in the Middle Ages / Ed. L. Thorndike. N. Y.: Columbia University, 1944. Цит. по: Антология педагогической мысли христианского Средневековья. М., 1994. Т. 2. С. 216.

¹⁰⁸ Bourdieu P. Homo Academicus. Paris, 1974; Idem. La noblesse d’Etat. Paris, 1989.

¹⁰⁹ Hoye W. J. The religious roots of Academic freedom // Theological Studies.. 1997, Vol. 58. Issue 3. P. 409.

Если же мы вернемся в XVI в., то мы поймем, что, несмотря на убийственную сатиру Эразма и Рабле, университет продолжал манить французов прежде всего возможностью получить степень. Понятно, что у каждого студента могли быть свои собственные мотивы — спасение души, любознательность, семейная традиция или стремление воспользоваться университетскими привилегиями, но фоном служила доминирующая “статусная” установка.

Подведем итоги. Мы сделали шаг на пути интериоризации исторического объяснения, предприняв попытку взглянуть на вещи глазами людей XVI века. Попытка эта была весьма трудоемкой и не самой эффективной, гораздо больше нам могли бы сказать дневники самих интеллектуалов того времени. Но нам трудно было бы оценивать степень соответствия полученных данных массовым представлениям (если избегать термина “ментальности”). В результате анализа выяснилось, что фиксируемые в стереотипных формулах нотариальных актов основные концепции университетского образования (вероятно, наиболее архаичная, “сакральная”, слабо выраженная “прагматическая” и доминирующая “статусная”) в общих чертах совпадают с тем, что нам известно об университете образовании в Средние века и Новое время.

Получив подтверждение гипотезе о соответствии чувств и настроений, выраженных в нотариальных актах, неким “ментальным” установкам, мы получаем возможность попытаться проанализировать какую-нибудь иную, уже не связанную с университетскими дарениями, область социальной практики. Восстанавливая не только объективные условия, но и пытаясь проникнуть во внутренний мир людей, мы можем теперь не бояться стереотипов, поскольку они не только не мешают, но, в какой-то мере даже способствуют решению этой задачи.

§3 «Будучи стар и слаб»: акты пожилых и немощных людей.

Причины выбора: ни слишком много, ни слишком мало.— Старость глазами историков. — Казус Жана Окока. — Две группы актов. — Описание состояния дарителей, их мотивации. — Круг доверенных лиц. — Идеальный уход: вино, белый хлеб и «карманные деньги». — Помин души. — Кристоф Креспин и Мартын Харлов. — Забывчивость престарелого теолога. — Штампы уместные и неуместные. — Общественный идеал, социальные нюансы и индивидуальные особенности.

Для того, чтобы проверить в действии полученную методику работы с актами и нотариальными стереотипами, выберем какой-нибудь особый тип нотариальных актов. На этой основе можно попытаться в сокращенном виде

пройти весь путь, проделанный нами в предыдущих главах при анализе университетских дарений. Иными словами, требуется восстановить некое объективное положение участников сделок и получить представление как о реальной практике, так и о ее ценностном содержании в глазах современников. Для этой цели мной была выбрана такая специфическая форма актов, как дарения «по причине старости и (или) немощности». В более поздних учебниках по нотариальной практике такой тип актов будет обозначен как «дарения с условием кормить дарителя»¹¹⁰.

Постараюсь объяснить причины моего выбора. Прежде всего, таких актов не слишком много, но и не слишком мало. Если бы их было столько, сколько, скажем, университетских дарений, то одна лишь работа с данными регистров Шатле, не говоря уже о сверке их с нотариальными минутами, намного превысила бы отведенные сроки моего пребывания в Национальном Архиве. Если бы я обратился к весьма ярким и информационно-насыщенным актам, таким как отмены дарений («ревокации»), то добытого десятка подобных актов явно не хватило бы для построения типологических рядов и работы со стереотипами, а ведь именно эту задачу мы ставим в данной главе. Вторая причина заключается в том, что тема старости при известной популярности у современных исследователей, не влечет за собой столь громадного историографического шлейфа, наподобие таких тем, как история детства, история женщин, отношение к смерти. Поэтому я отказался от дальнейшей работы с брачными контрактами, завещаниями, дарениями в адрес несовершеннолетних детей. В этом отношении Регистры Шатле содержат достаточно интересный материал, но он, вне всякого сомнения, требует специальных исследований, предполагающих поиск особых методик, привлечение широкого круга дополнительных источников, и, главное, работы с обширнейшей историографией. Чего стоят лишь полемика по поводу работ Филиппа Ариеса, или же хитросплетения современных гендерных исследований!

¹¹⁰ *Donation à la charge de nourrir le donateur // Ferriere Cl. La science parfaite des notaires ou le moyen de faire un parfait notaire.* Paris, 1682. P. 289.

Интерес к теме истории старости возник не слишком давно; видимо, он стал своеобразной реакцией на осознание проблемы «старения наций»¹¹¹. Жорж Минуа, один из первопроходцев этой темы, приходит к выводу, разделяемому большинством его коллег¹¹²: средневековое общество характеризовалось крайне пессимистическим взглядом на старость, сохранившимся или даже усилившимся в XVI в. Тот или иной средневековый автор мог насчитывать четыре, семь или двенадцать «возрастов жизни», но в любом случае последний период рисовался в самых мрачных тонах. «Старик весь полон кашля, слизи и вони до того момента, пока не возвратится в прах и землю, откуда и был взят», — гласит изданный французский перевод средневековой энциклопедии¹¹³. В данном случае выделялось семь возрастов жизни по числу семи планет. Вслед за Исидором Севильским называются три последних возраста жизни: *senecte, vieillesse, senies* — старость в смысле зрелость, «весомость» (*pesanteur*), старость в смысле «дряхлость» и «сенильность». Причем в последнем случае оговаривается отсутствие соответствующего термина на французском языке.

Другой французский «бестселлер» XVI в., сборник расхожих истин, также опиравшийся на богатую средневековую традицию — «Большой пастущий календарь» — гласит, что старику не о чем думать, кроме как о смерти¹¹⁴.

Филиппу Новарскому старики видятся заговаривающимися и выжившими из ума: «Telz i a qui dient que li viel sont rassoté et hors de mémoire, et sont chargé et remué de ce qu'il soloient savoir», жизнь старииков не что иное, как страдание. Но

¹¹¹ Сюжет истории старости с некоторым эпажем был вынесен в качестве «специальной темы» на 18 Международном конгрессе исторических наук (Монреаль, 1995). Однако, по моим наблюдениям, в этой сфере не сложилось устойчивого профессионального сообщества. Для большинства докладчиков история старости была не основной темой исследования, а, скорее, любопытным поводом применения своей эрудиции.

¹¹² Minois G. Histoire de la vieillesse en Occident. Paris, 1987; Bois J.-P. Les vieux de Montaigne aux premières retraites. Paris, 1989; Idem. Histoire de la vieillesse. Paris, 1994. Sahar S. Growing old in the Middle Ages. London; New York, 1997.

¹¹³ Le Grand Propriétaire de toutes choses. Lyon, 1556.

¹¹⁴ Цит. по: Morawski J. Les douze mois figurez // Archivum romanicum. 1926. P. 363.

старики, продолжает Филипп, должны возблагодарить Бога за то, что он оставил им время на покаяние, они должны думать о скорой встрече с Ним¹¹⁵.

Средневековое общество было далеко от геронтократии. Марк Блок, а за ним и Жак Легоф называли Средние века обществом молодых людей. Сейчас эту декларацию следует подправить, при ближайшем рассмотрении выясняется, что до вполне почтенного возраста доживало большее число людей, чем полагали ранее. Но, конечно, если не считать высших слоев общества, положение старцев, утративших возможность работать, было незавидным.

Во всяком случае, в окситанской деревне Монтайю, описанной Ле Руа Ладюри, те немногие старики, что допрашивались инквизиторами, производили жалкое впечатление, находясь в постоянном страхе перед гневом своего сына-корнильца¹¹⁶. Некоторые медиевисты, и в частности, Робер Фоссье, полагают, что укрепление супружеской (нуклеарной) семьи и размывание прежней большой семьи, привело к ощутимому ухудшению положения старииков, лишив их былого статуса патриарха, главы линьяка, который гарантировал им безоговорочную поддержку всех младших родственников.

Особенно тяжело приходилось крестьянам. Если духовенство, как правило, брало заботу о своих стариках на себя, аристократический линьяк в замках заботился о своих старцах, а купца, удалившегося на покой, охотно мог принять монастырь, то старый крестьянин мог рассчитывать только на своих детей, а они, если и имелись у него, не всегда были любезны к лишним ртам. Крестьянский мир, где каждый жил лишь трудом рук своих, был безжалостен к тем, кто лишился возможности трудиться.

С точки зрения Жоржа Минуа, положение старииков несколько укрепилось в период, последовавший вслед за «Черной смертью». Во всех социальных группах численность старииков резко увеличилась, поскольку эпидемии были губительны в первую очередь для молодых людей. Этот тезис подвергся достаточно убедительной критике¹¹⁷, однако тенденцию к увеличению общей доли пожилых людей в демографической структуре трудно отрицать. Одну из

¹¹⁵ *Philippe de Novare des quatre tenz d'age d'ome / Ed. par M. de Fréville. Paris, 1888. P. 36.*

¹¹⁶ *Ле Руа Ладюри* Э. Монтайю, окситанская деревня. Екатеринбург, 2001. С. 261.

¹¹⁷ *Бессмертный* Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. М., 1991. С. 174–185.

возможных причин этого видят в активизации самосохранительного поведения, возможно, связанного с приданием большей ценности земному существованию¹¹⁸.

Постепенно появляется идея создания особых институтов общественного признания для тех, кто уже не в силах выполнять свои социальные функции и заслуживает «покоя». Уже Иоанн Добрый, создавая орден Звезды в 1351 г., предвидел в его уставе дом для престарелых рыцарей, где им должны с уважением прислуживать по двое слуг. Вскоре некоторые купцы и ремесленники в городах начинают объединяться для создания подобных домов: в Лионе землепашцы и ремесленники выделяли свое имущество в пользу госпиталя, который примет их в старости. В 1488 г. в Рубэ было открыто заведение для 12 старых женщин «*débiles et languissantes*» (слабых и немощных) и 30 старых монахинь, в Лондоне с 1446 г. функционировал дом для престарелых кабатчиков (*vintners' almhouse*) и для старых моряков (*salters' almhouse*). Примерно в то же время в Милане епископ создал приют для старых женщин, а в Париже Жан де Юбан открыл дом на улице Армандье для десяти старых домашних хозяек (*ménageres*). Создаваемые в XIV–XV вв. конфедерации оговаривали в своих уставах помочь для престарелых собратьев. Особые «стариковские» койки появлялись в госпиталях даже таких малых бretонских городов, таких как Трегье, Ланбон, Гингамп. И хотя, конечно, численность подобных заведений была смехотворно мала и большинство неимущих стариков вынуждено было нищенствовать, сама идея некоего законного вспомоществования, «отдыха» в конце жизни уже заявила о себе.

Жорж Минуа полагает, что осознание необходимости «спокойной старости» отчасти было вызвано демографическими сдвигами, общим возрастанием доли престарелых в «послечумной Европе»¹¹⁹. Во всяком случае, в ренессансной Италии состоятельные люди могли позволить себе роскошь досужей старости. Этот идеал реализовывали Козимо и Пьетро Медичи, кондотьер Бартоломео Коллеони, который, дав последний бой в возрасте 67 лет, отклонял затем все лестные предложения и восемь последних лет жизни прожил в своем замке, а

¹¹⁸ Там же. С. 208–221; *Ле Гофф Ж.* С небес на землю: Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе в XII–XIII вв. // Одиссей, 1991. М., 1991. С. 25–47.

¹¹⁹ *Minois G.* Op. cit. P. 364.

веком раньше Петrarка и Боккаччо наслаждались покоем на старости лет в своих загородных виллах. Но при этом литература была настроена весьма скептически по отношению к старикум. Прямые и косвенные данные свидетельствуют о проявлениях «конфликта поколений»¹²⁰.

Что же касается XVI века, то его впрямую называют «жестоким» по отношению к старикум¹²¹. Возможно, в этом стоит усмотреть своеобразную реакцию на «засилье старикум», неведомое предшествующим периодам, но ставшее особо ощутимым на фоне демографического подъема, начавшегося на рубеже XV и XVI столетий.

Если Высокое Средневековье относительно редко обращалось к теме старости, либо попросту игнорируя ее, либо даже находя в этом состоянии некоторые преимущества¹²², то Возрождение показывает старость во всем ее отвратительном обличье. Особенно активны в осуждении старости представители придворной культуры¹²³ и гуманисты¹²⁴. Причины ненависти и страха этого «поколения оптимистов» вполне понятны: ведь старость, как и неминуемая ее спутница — смерть, осознавались в качестве главной преграды на пути к обожествлению человека. Но при том, что старость столь дружно осуждалась беллетристами, живописцами и авторами утопий (и даже король Лир у Шекспира выглядит отнюдь не невинной жертвой), в общественной жизни XVI в. пожилые люди играли весьма значительную роль, да и портреты реальных старикум и старух (а не собирательные образы старости) не лишены привлекательности. О сравнительно высокой численности старикум в обществе

¹²⁰ Кристина Пизанская. Из книги о граде Женском / Пер. Ю. П. Малинина // Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV-XV вв. М., 1991.

¹²¹ Bois J. P. Histoire de la vieillesse. Paris, 1994.

¹²² С точки зрения Бернарда Клервосского, старики находятся в выгодном положении — им легче противостоять соблазнам мира сего, ведь чем слабее тело, тем более укрепляется душа.

¹²³ Кастильоне Б. Придворный / Пер. О. Ф. Кудрявцева // Сочинения великих итальянцев XVI в. СПб, 2002. С. 181–147; Брантом. Галантные Дамы / Пер. А. Д. Михайлова. М., 1998.

¹²⁴ Эразм Роттердамский. Похвала глупости. 13, 31, 37; Мор Т. Утопия; Rabelais F. Le Tierce Livre. Chap. XXI; Montaigne. Essais. I. 57; II. 8.

свидетельствуют и источники статистического характера, наконец-то появляющиеся в этот период¹²⁵.

Помимо количественного роста различного рода институтов признания пожилых людей (даже в нашем источнике нам попалось свидетельство об одном из таких частных «вдовьих домов», о чем пойдет речь в следующей главе), XVI век отмечен столь важным изобретением, как пожизненное страхование. Введенное в ряде фланандских городов, оно свидетельствовало помимо прочего еще и об уточнении представлений о средней продолжительности жизни, без чего подобное страхование было бы экономически невыгодным¹²⁶.

Тем не менее XVI столетие не привнесло четкости в определение понятия старости, не установило оно и твердой возрастной границы этого периода. Амбруаз Паре, столь новаторски мысливший в остальных вопросах, в данном случае повторяет Галена, объясняя старость дефицитом тепла и влажности в человеческом теле. Хирург, в соответствии с давней традицией и, по-видимому, с расхожими представлениями эпохи, делил старость на три стадии. Вначале еще деятельные, так называемые «зеленые» старики, затем те, кто нуждается лишь в еде и постели, и, наконец, те, кому нужна лишь могила. Медицина, да и алхимия XVI века накопила некоторый опыт в том, чтобы продлевать жизнь старика, или бороться с его недугами¹²⁷, но в гораздо большей степени была одержима поисками «квинтэссенции», средства ее избежать.

Старость оставалась сугубо субъективным понятием. Если Монтень пишет, что начал стареть с тридцати лет, то Монлюк не считал себя старики и после семидесяти.

Осмысление проблемы строи и старения, выделения пожилых людей в особую социальную категорию, и наконец, изобретение института пенсионного

¹²⁵ Dupâquier J. et M. Histoire de la démographie. Paris, 1985; Croix A. La Bretagne aux 16^e et 17^e siècles: La vie—La mort—La foi. Paris, 1981.

¹²⁶ Церковь достаточно долго осуждала пожизненное страхование. Однако эта практика имела достаточно широкое нелегальное распространение: в 1569 г. английский юрист Томас Вильсон говорит о нем в своем сочинении о ростовщичестве (*Hendricks F. Contributions to the Historiy of Insurance and of the Theory of Life Contingencies. Londres, 1851*).

¹²⁷ Paravicini Baglioni. Il corpo del papa. Torino, 1994.

обеспечения, все это принадлежит уже последующей эпохе¹²⁸ — таково мнение, разделяемое большинством историков, размышлявших над этой темой. От себя добавлю, что социальное «открытие» старости может быть поставлено в один ряд с теми революциями в общественном сознании, о которых впервые заговорил Мишель Фуко: установление жесткой грани, отделявшей безумие от нормы, запретное от дозволенного в сексе, «великое закрытие» бедных и преступников, отделение женщин и детей от «нормального» общества¹²⁹.

Таким образом, историографическая традиция уделяет рассматриваемому нами периоду весьма важное место. В XVI в. источниковая база для изучения проблемы старости расширяется, но при этом выявляет парадокс, заключавшийся в противоречии между достаточно весомой ролью стариков в обществе и крайне негативной оценкой старости в общественном сознании. Поэтому анализ нотариального материала может представлять особый интерес как место пересечения реальной практики и стереотипов.

И, наконец, третье и, разумеется, самое главное соображение, повлиявшее на выбор мной данного ракурса — тема «старости и немощности» показалась мне интересной сама по себе, возможно по созвучию с проблемами, особо остро переживаемыми нашими пожилыми людьми последнего десятилетия.

В первом параграфе данной главы мы несколько раз встречали имя королевского сержанта Николя Филона, составлявшего свои акты у Жана Крюсе. Разыскивая данные о нем, я обнаружил любопытное дарение:

Двадцать третьего марта 1552 года пахарь Жан Окок из Малого Со, что близ Парижа, составил акт в конторе нотариуса Жана Крюсе. Он сообщил, «что в виду своего преклонного, восьмидесятилетнего возраста он не может больше заниматься своими делами и управлять своим добром (*vacquer à ses affaires ne gouverner son bien*). Не имея ни детей, ни кого-либо, кто бы заботился о нем, он дарит свой дом, огород, конюшню, хозяйственные постройки, а также виноградники Николя Филону, королевскому сержанту юстиции из близлежащего парижского пригорода Нотр-Дам-де-Шамп. При этом

¹²⁸ Bois J. P. Les vieux de Montaigne aux premières retraites. Paris, 1989.

¹²⁹ Foucault M. Histoire de la folie à l'âge classique. Paris, 1972; *Idem*. Surveiller et punir: Naissance de la prison. Paris, 1975; Согомонов А. Ю.; Уваров П. Ю. Открытие социального (парадокс XVI века) // Одиссей, 2001. М., 2001. С. 199–215.

последний обязывается хорошо кормить, содержать, и ухаживать за дарителем; дать ему приют, обогреть и заботиться о нем на протяжении всей жизни надлежащим образом, как подобает его достоинству; [обеспечивать] одеждой, едой, теплом, жильем и прочими необходимыми ему вещами на протяжении всей его жизни... Кроме того, Николя Филон обещал выдавать ему по 50 турских су ежемесячно на мелкие нужды и 6 ливров выплатить единовременно»¹³⁰.

Именно этот казус послужил отправной точкой для дальнейшего исследования. Кем был Николя Филон и какая судьба ждала Жана Окока? Насколько распространены были подобные договоры? Описывал ли даритель свою реальную ситуацию или же существовала безликая формула акта, как в наши дни? И, наконец, может ли такое дарение как-то информировать нас о реальном положении пожилых людей во Франции и о помощи, на которую они могли рассчитывать?

Для изучения был выбран все тот же период правления Генриха II (1547–1559). В сериях Y 93–Y 100 книги регистров Парижского Шатле зарегистрировано 35 «дарений по причине старости», аналогичных акту Жана Окока. Как правило, даритель сообщал о своем преклонном возрасте, уступал кому-нибудь свое имущество, выговаривая обязательства по своему содержанию. Многие были отобраны еще 52 акта, также являвшиеся договорами о содержании и уходе, однако без прямых упоминаний о старости дарителя. Иногда по косвенным данным можно догадаться, что в помощи нуждался либо пожилой человек, либо молодой, но утративший трудоспособность. Чаще же о дарителе вообще не сообщалось никаких сведений. Для удобства обозначим «дарения по причине старости» и «договоры о содержании» соответственно как группы «А» и «Б». В обеих группах есть по два «обратных» дарения, адресованных вполне здоровым дарителем пожилому или нуждающемуся в помощи человеку¹³¹. Конечно, их можно было и не включать в анализируемый корпус актов, однако формулы описания старости и немощности, перечисление оказываемых услуг делает эти акты сопоставимыми с актами групп «А» и «Б». Таким образом, мы располагаем корпусом из восьмидесяти семи актов.

¹³⁰ Y 97, f. 291.

¹³¹ В том же учебнике Клода Ферьера такие дарения назывались «*Donation pour en jouir des à present et sans charge d'usefruit*».

В актах можно выделить следующие основные элементы:

- характеристика статуса дарителя и его состояния;
- мотивировка дарения;
- описание передаваемого имущества;
- указания на то, кому адресуется дарение,
- условия дарения и ожидаемые услуги со стороны recipiента.

Данные о дарителях попытаемся свести в таблицы (см. *таблицы 51 и 52*).

ТАБЛИЦА 51

Место жительства дарителей

Группа актов	парижане	жители пригородов (faubourgs de Paris)	«provинциалы»	Число актов
«А»	11	4	20	35
«Б»	27	8	17	52

Кстати, 20 актов были составлены провинциальными нотариусами. Создается впечатление, что дарения «по причине старости» в большей степени склонны был составлять провинциалы. Впрочем, «провинциалы» — условный термин. Жан Окок, например, жил всего лишь в шести километрах от городской стены.

Попробуем распределить дарителей в соответствии с используемой нами обычно социальной классификацией:

ТАБЛИЦА 52

Социальный состав дарителей

Группа актов	«А»	«Б»
Дворяне и сеньоры	2	2
Священники	1	6
Судейские и чиновники	3	10
«парижские буржуа»	4	7
Купцы («не-буржуа»)	4	3
Ремесленники	4	8
Крестьяне	15	7
Низшие слои	1	2
Статус не установлен	1	—
Всего актов	35	52

В группе «А» заметно преобладание крестьян. Тем более, что единственный священник и один из прокуроров Парламента из этой группы совершают «обратное» дарение. Зато в группе «Б» доминируют городские слои — прокуроры и стряпчие, буржуа, ремесленники.

В некоторых случаях в дарениях «по причине старости» сообщается возраст составителя акта. Жан Окок не был самым старым среди них. Его земляк,

крестьянин Клод Соваж из Большого Со, также достиг возраста «*свыше восьмидесяти лет*»¹³². А виноградарь (*laboureur de vignes*) Жан Ори-старший, живущий близ ворот Сен-Жак, свершает дарение «*учитывая его старый и преклонный возраст, девяноста пяти или девяноста шести лет, как он говорит и утверждает*»¹³³. Прочие дарители моложе — 70 лет дарителю-дворянину¹³⁴, 65 лет — крестьянину из деревни Аркей. В трех актах говорится о 60-летнем возрасте. Правда, положение шестидесятилетней крестьянской четы из Шамбора¹³⁵ осложнено длительной болезнью жены. В другом случае прокурор адресует дарение своей шестидесятилетней служанке. Она работала еще у его отца, но по-прежнему крепка: помимо прочего ей отводится и участок земли для обработки. Что, кстати, позволяет предположить ее крестьянское происхождение¹³⁶. Итак, всего восемь указаний на возраст. И из этих восьми человек лишь один не был крестьянином (хотя и был сельским жителем). Мы вправе констатировать, что крестьяне более других склонны указывать свой возраст при составлении актов.

Но есть еще одно обстоятельство. «Пенсионный» рубеж перешагнули пять человек. Кроме дворянина, остальные живут на удивление компактно. От предместья Сен-Жак до Аркеля ходу от силы час. И еще минут сорок от Аркеля до Большого и Малого Со. Откуда такая концентрация «долгожителей»? Это вполне можно объявить простым совпадением. Но заманчивее было бы поискать здесь какие-то причины.

Слоны Кламарской возвышенности к югу от Парижа и поныне отличаются удивительно чистым воздухом и более мягким климатом. Недаром туда вынесено большинство парижских больниц. В Фонтене-о-Роз, коммуне, примыкающей к Со (деревне Жана Окока и Клода Соважа) в начале века отмечалось столетие некой мадам Бонжан. Она практически никогда не покидала Фонтене, продолжала сама вести хозяйство. Каждый день она рвала

¹³² Y 100, f. 1.

¹³³ Y 97, f. 425.

¹³⁴ Этот акт можно квалифицировать и как университетское дарение.

¹³⁵ Y 100, f. 254.

¹³⁶ Y 93, f. 139v.

траву для кроликов на крутых склонах и пуще всего боялась спускаться в парижскую сутолоку¹³⁷.

Но можно предложить и иное объяснение. На трех из этих актов стоит подпись одного нотариуса, Жана Крюссе. Четвертый составлен, правда, в другой, соседней, конторе на той же улице Сен-Жак. Мы не можем утверждать что-либо однозначно. Но гипотеза о характерном пристрастии нотариуса к уточнению «преклонного возраста» имеет такое же право на существование как и мнения о случайном совпадении или о чудодейственных свойствах климата.

В большинстве дарений «по причине старости» (22 акта) помимо указания на преклонный возраст, описывается плачевное состояние — *немощность* (*debilité*) и *слабость* (*foiblesse*) дарителя. Он *дряхлый* (*caduc*), *нетрудоспособный* (*invalid*e), *бессильный* (*impotente*) и, наконец, *болезненный* (*fort malladif*). Иногда описывается характер недуга — потеря зрения, травма. «Десять лет назад с ними случилось несчастье (*adversitez et infortunes*) по причине болезни» жены. «С ее правой ногой произошла такая беда, что она осталась прикованной к постели в своем недуге, в коем пребывает и поныне»¹³⁸. Чаще всего в актах говорится о чем-то подобном. Но есть и иные формулировки. Крестьянин Анселот Шваль с супругой передают имущество детям, «учитывая свой преклонный возраст, находясь в добром здравии и владея собой», но... «полагая, что не могут впредь ни хорошо работать (*bonnement vacquer*), ни трудиться, чтобы заработать себе на жизнь»¹³⁹. Еще один крестьянин, Жан де ля Ривьер, заявляет, что находится «в добром здравии», но «лишен жены, поскольку она была заключена в тюрьму Парижским купеческим прево Иль-де-Франса»¹⁴⁰. А в конце акта, вопреки начальной формулировке, выясняется, что сам он «стар и пребывает в величайшей слабости и немощи»¹⁴¹. Нелогичность, по-видимому, вызвана здесь смешением жанров. Начальные утверждения о добром здравии дарителя взяты из формул завещаний, где они были необходимы. А затем к этой

¹³⁷ Coeuret G. Fontenay-aux-Roses en images au debout du XX siècle. Paris, 1993. P. 25–27.

¹³⁸ Y 100, f. 254.

¹³⁹ Y 95, f. 346v.

¹⁴⁰ По всей видимости речь шла о «cas previtable» — некоторые преступления (воровство, бродяжничество) были подсудны суду выборного купеческого прево Парижа.

¹⁴¹ Y 94, f. 290v.

формулировке присоединяли реальное описание дел. Правда, последний акт был составлен по-видимому не слишком изощренным мэтром — неким Жаном Эрё, «*присяжным заместителем (substitué juré) по делам контрактов, заключаемых в Таверни от имени и в отсутствие имеющего на то право Николя Гюйо, клерка и присяжного письмоводителя в городе и округе Монморанси*». Но первый документ, дарение Антуана Швала и его супруги, составлено в конторе опытного парижского нотариуса Антуана Бержерона.

Указания на болезни и беспомощность есть и в актах группы «Б». Правда, их всего 9 из 52. Иногда и здесь излагаются подробности. Так, Антуан Шуар, из прихода Бюзье заявил, «*что около восьми лет назад после случившегося с ним падения, он потерял слух и по воле Бога прибывает в полной глухоте и великой немощи тела и духа, в силу чего он не может заботиться и управлять своим добром, дарованным ему милостью Божьей, но пребывающим в запустении*¹⁴²». Этот акт типологически близок к дарениям по причине старости. Да и даритель, проживающий в деревне (указан приход) уже не молод, его акт адресован детям и внукам.

Мало описать свое тяжелое физическое состояние. Надо еще показать невозможность вести дела. В актах группы «А» так поступает большинство дарителей. «*Не может и не сможет впредь пахать и поддерживать свое наследственное имущество*», так говорят даже восьмидесятилетние Жан Окок и Клод Соваж. И только виноградарь Жак д'Орри, с вершины своего девяностопятилетнего возраста, обходится без этого объяснения.

Из всех пожилых людей лишь одиннадцать *не* указали на свою невозможность работать. Примечательно, что кроме Жака д'Орри, крестьян среди них нет. А ведь в группе «А» доля крестьян очень высока. Создается впечатление, что они более прочих склонны к подобного рода объяснениям. Возможно, это связано с определенными социально-психологическими свойствами. Для крестьян возраст сам по себе не служит достаточным основанием уйти на покой и ждать помощи от близких. Но это лишь одно из возможных объяснений. Сама же тенденция представляется вполне выраженной.

¹⁴² Y 98, f. 185. Как и в предыдущем случае, этот акт был составлен в Брош-де-Ситри на Марне «*присяжным заместителем в отсутствие королевского письмоводителя*».

Для описания нетрудоспособности используются разные термины. Выделить их социальную окраску сложно. Артур де Бонваль, экюйе, дарит свои земли детям, «учитывая что указанному дарителю свыше седидесяти лет и он не может ни выносить тягот, ни трудиться над отправлением обязанностей, связанных с передаваемыми землями (ne peult supporter la peine, ne plus vacquer a l'exercice desdictz lieux ainsi donnees)»¹⁴³. Другой экюйе передает все свое движимое и недвижимое имущество сыновьям, «будучи стар и дряхл, так, что он не может и не сможет вести свое хозяйство и приумножить его (ne pourroit faire valoir et ameliorer ses biens ou temps advenir)»¹⁴⁴. Крестьяне употребляют глаголы «faire valoir», «entretenir», но их специфическим термином было слово «обрабатывать» (cultiver)¹⁴⁵. На эту роль мог бы претендовать и глагол «labourer» — «работать», «пахать», но помимо пятерых крестьян его употребляет и парижский мастер-плотник. Зато слово «penner», «reiner» (словарь В. Гака и Ж. Триомфа находит ему русский эквивалент — «вкалывать») мы можем найти не у крестьян, а у ремесленников (ne penner, ne travailler)¹⁴⁶. Специфику купеческих актов выражает термин «поддержать ход торговли» (entretenir son train de marchandise)¹⁴⁷. Но чаще всего жалуются на невозможность «заработать на жизнь» (gaigner sa vie). Помимо семерых крестьян, виноградарей или их вдов на это жалуются дарители и дарительницы из шести семей ремесленников и стряпчих.

Старость, потеря дееспособности чреваты упадком всего хозяйства. Преклонный возраст Паскье Риго и травма правой ноги у его жены лишают их возможности «впредь хорошо работать, что весьма прискорбно, так как они держат на правах аренды участок и не могут вести на нем хозяйство, пахать, обрабатывать, содержать (faire valoir, labourer cultiver, ne entretenir) и опасаются, что вскоре все придет в упадок и запустение»¹⁴⁸. Крестьянин Ля Ривьер, «не могущий впредь обойтись без посторонней помощи», совершает дарение, «поскольку если он сдаст свое добро и дом... чужому, он может

¹⁴³ Y 97, f. 329.

¹⁴⁴ Y 100, f. 167v.

¹⁴⁵ Y 94, f. 290v; Y 100, f. 254.

¹⁴⁶ Y 94, f. 175; Y 94, f. 246.

¹⁴⁷ Y 100, f. 100v; Y 97, f. 101v.

¹⁴⁸ Y 100, f. 254.

впасть в великие убытки и нужду на склоне дней своих (dommaige et necessitez)»¹⁴⁹. Оба этих акта составлены в провинции, однако такие же опасения высказывает и Гильеметта Жугэн, вдова парижского трактирщика, составившая свой акт в Париже в конторе Жака Мюссара¹⁵⁰.

Шестеро пожилых людей говорят о невозможности в будущем обойтись без посторонней помощи и заботы. Для нас очень важно, что *ни один из этих актов не адресован детям*. Некоторые прямо мотивируют акт своей бездетностью подобно Жану Ококу. Купец из Сен-Жермен-ан Лэ, например, сознает «*свой преклонный возраст и отсутствие собственных детей (et n'avoir aucuns enfans procreez de son corps)»¹⁵¹.*

Болезни, слабость, потеря трудоспособности, невозможность обойтись без посторонней помощи, страх нищеты — наряду с этими важными причинами составления дарений, существовали и иные мотивации. Уход от дел давал, наконец, возможность подумать о душе. Трижды встречается формула: «*находясь в нужде, желая обеспечить свою жизнь, заняться отныне служением Богу и обеспечить спасение своих душ (desirant pourvoit à leur vyes et estoit en nécessité et leurs occuper doresnavant à servir à Dieu et procurer le salut de leurs ames)»¹⁵².*

Более развернута мотивировка четы парижских буржуа: «*учитывая преклонный возраст, изменчивость и непостоянство мира, желая всем своим сердцем посвятить остаток дней и жизни служению Богу, желая всячески бежать мира сего и подготовить себя к благой смерти (fuyre et evite cedit monde et eux disposer a bien mourrir)»¹⁵³.* Но это уже акт особого рода: единственное из дарений «по причине старости» (группа «А»), адресованное религиозной корпорации — монастырю дев Божих (couvent des filles Dieu) в Париже.

В группе «Б» таких актов несколько, однако их мотивировки не столь пространны. Даритель лишь упоминает о своем желании «*участвовать в молитвах и благих делах монастыря*». В этом отношении примечательна

¹⁴⁹ Y 94, f. 290v.

¹⁵⁰ Y 95, f. 146.

¹⁵¹ Y 94, f. 59; нотариус — Жакессон.

¹⁵² Y 94, f. 246; Y 94, f. 175; Y 98, f. 275.

¹⁵³ Y 98, f. 92; Y 98, f. 92.

мотивировка Гильеметты Местрю, вдовы парижского буржуа. Она составляет дарение «учитывая также неведение [часа] своей смерти, мучения, злодейства и сумятицу, которые она наблюдает каждый день в мире, и которым она не в силах противиться, не искушая Бога и не губя свою душу, [а также] для успокоения и облегчения своей совести и пособления своей персоне (incertitude de sa mort les peines tribulations et malversations qu'elle voye par chacun jour le monde aussye qu'elle ne peult resister sans offendre Dieu et faire le destrement de son ame pour le repos et descharge de sa conscience et soulagement de sa personne)»¹⁵⁴. Ее спиритуалистический настрой проявляется даже в типовой, на первый взгляд, формулировке. Она совершає дарение своим дочерям по причине «дряхлости, старости и слабости и невозможности управлять земным добром (d'aucuns biens temporelz)». Нечто подобное по смыслу говорили многие. Но только она говорит об имуществе «земном» (т. е. бренном). Антонимом к этому прилагательному служит «духовный». Видимо, благами духовными дарительница управлять еще могла¹⁵⁵.

Не будем особо распространяться о характере передаваемых объектов. Можно было бы попытаться установить корреляцию между стоимостью имущества и, скажем, объемом услуг, предоставляемых дарителю. Но у нас слишком мало данных. Понятно, что им всем было что дарить, иначе зачем составлять акты? К примеру, статус Майара Парти прямо так и определен в акте — «бедный человек», но и он передает сыну все свое движимое имущество¹⁵⁶. Другое дело, что трудно определить, передается ли все имущество, или только какая-то его часть. Достаточно часто, особенно в актах группы «Б», даритель выговаривал за собой права узуфрукта, возможность распоряжаться доходами до конца своих дней. И лишь после дарение становилось окончательной собственностью реципиента.

Рассматривая круг близких, тех, кому адресованы дарения, можно отметить некоторые отличия дарений «по причине старости» (группа «А») от «договоров содержания» (группа «Б»). Пожилые люди в подавляющем большинстве

¹⁵⁴ Y 98 f. 303; нотариус — Конкет.

¹⁵⁵ Отклонение от нормы порождено смешением жанров. Такие рассуждения обычны для духовных завещаний. Порой термин «biens temporels» употреблялся для обозначения имущества духовного лица.

¹⁵⁶ Y 94, f. 315.

случаев обращаются к своим детям, пасынкам или зятьям. В группе «Б» нет такого разительного преобладания. Акты составлялись на имя братьев и сестер, сыновей, племянников. Передавалось имущество и монастырям. В группе «А» это уже знакомое нам дарение обители Дев Божьих. В группе «Б» такие акты адресованы четырем женским монастырям и одному мужскому (последний составлен, кстати, женщиной).

Отношения между дарителями (*donateurs*) и реципиентами (*donataires*) представлены в *таблице 53*.

ТАБЛИЦА 53

Адресаты дарений

Группа актов	«А»	«Б»
Дарения по прямой линии	21	18
Дарения дальним родственникам и «посторонним» лицам	6	12
Церковные корпорации	1	5
Число актов	35	52

Кроме того, дарения могли быть адресованы крестникам, соседям, друзьям, коллегам или людям, чьи отношения с дарителем не прояснены в актах (казус Жана Окока). Видимо, прочные связи существовали и в этих случаях. Так, «*почтенная женщина*» Масе Ле Пелетье, «*учитывая преклонный возраст, большую слабость, и потерю зрения*», сообщает, что владеет правами на прилавок, «*установленный в Большом зале Дворца Правосудия близ капеллы, у подножья статуи короля Пипина. Ныне же там торгует Жан де Марн, парижский книготорговец*¹⁵⁷». Она уже заручилась согласием властей на передачу ему прав на ведение торговли. Со своей стороны, Жан де Марн обязуется содержать дарительницу, передающую ему все свое движимое и недвижимое имущество¹⁵⁸. Мне удалось отыскать не только минуту этого акта, но и духовное завещание, составленное вдовой¹⁵⁹. В нем она назначает Жана де Марна своим душеприказчиком. Давние партнерские отношения подкреплялись доверием.

Дополнительные сведения доступны нам крайне редко. Но учет всех элементов акта может пролить свет на отношение сторон, либо вызвать новые вопросы. Жан Шапле, доктор прав, каноник церкви святого Мартина Турского,

¹⁵⁷ Речь идет о регалии, за которую было уплачено откупщику королевского домена.

¹⁵⁸ Y 94, f. 296v.

¹⁵⁹ MC. XX. 41.

«в настоящее время болеющий в доме прокурора Парламента Пьера де Таверни», дарит ему «все свое движимое имущество, золото и серебро, как в монетах, так и в слитках, мантии, подбитые куницеи и виверой, и свои долговые расписки, чтобы рассчитаться с означенным Таверни за многие и значительные издержки, расходы на питание (depense de bouche), хлопоты, время и труды (journées, sallaires et vaccinations), затраченные на указанного дарителя на протяжении тех 20 лет, что он был прокурором, в ведении его процессов и дел»¹⁶⁰. Доверие, порожденное длительным сотрудничеством, вполне объяснимо. Сложнее объяснить другое: ордонанс Виллер-Коттрे предписывал регистрацию лишь недвижимого имущества. Для передачи золота и «рухляди» сторонам вполне хватило бы простого нотариального акта. Зачем же они понесли его в Шатле, пошли на дополнительные расходы? Хотел ли больной заручиться дополнительными гарантиями? Или это прокурор страховал себя от притязаний наследников прелата? Мне кажется, что дело было в передаваемом золоте. В ходе Итальянских войн власти прибегали к конфискациям драгоценных металлов у парижских буржуа и некоторых чиновников¹⁶¹. Прокуроры Парламента не пользовались достаточными привилегиями, чтобы избежать этого. Их доходы были на виду. Положение требовало лояльности королевским распоряжениям. В этих условиях хранить дома драгоценности было небезопасно. Война вспыхнула вновь, и от короля ждали финансовых экспериментов¹⁶². Важно было раскрыть источник ценностей, появившихся у прокурора, и тем самым вывести их из-под угрозы конфискации. Регистрация в трибунале королевского прево, похоже, была превентивной мерой.

Отсутствие указаний на родство участников дарения — факт хоть и не частый, но и не удивительный. Но акт, ставший нашей отправной точкой, был в этом отношении исключительным. Оказывается, Жан Окок — единственный из более чем двух десятков крестьян и виноградарей, кто адресует свое дарение

¹⁶⁰ Y 98, f. 127.

¹⁶¹ *Versoris N. Livre de raison de Nicolas Versoris, avocat au Parlement de Paris, 1527–1539 / Ed. par G. Fagniez.// // Mémoires de la Société de l'histoire de Paris et de l'Ile-de-France. 1885. T. 12. P. 99–222.*

¹⁶² *Boyer-Xambeu M.-T. et al. Monnaie privée et pouvoir des princes. Paris, 1986. P. 151.*

«постороннему». Это отражает особую черту крестьянского поведения. Но также и придает особый интерес личности Николя Филона, взявшегося ухаживать за престарелым крестьянином. Как мы помним из материалов первого параграфа данной главы (с. 300-301), в 1544 г. Пьер Бускар, экюье, сеньор де Сетфонтен, подарил Николя Филону пять арпанов земли «за хорошее обращение с дарителем как во время болезни, в коей он пребывает до сих пор, так и во время заключения его в тюрьме Шатле»¹⁶³. О самом дарителе сказано: «находясь ныне на одре болезни в предместье Парижа, за воротами Сен-Жак, в доме Жеоль (en l'ostel de la Geole)». Но за год до этого необычного дарения Катрин Ронпале, вдова сеньора де Форж, живущая в Нотр-Дам-де-Шамп «в доме королевского сержанта юстиции Николя Филона», дарит ему права на ферму «в награду за хорошее обхождение и любезности»¹⁶⁴. В 1547 г. некая Жаклин Анго, вдова из предместья Сен-Жак, дарит права на наследство своих родителей Пьеру Филону, студенту Парижского университета, «сыну Николя Филона, королевского сержанта в предместьях Сен-Жак и НотрДам-де-Шамп»¹⁶⁵. Она уступает Пьеру Филону, студенту университета в присутствии отца «все права свои на земли и свои права судиться против любой персоны»¹⁶⁶.

Париж и его окрестности кишили стряпчими и ходатаями всех мастей. Но чтобы кто-нибудь из них брался содержать и лечить своих клиентов, случай достаточно редкий (вспомним больного каноника и его прокурора), и совсем уникальным видится случай, когда подобная практика становится регулярной. Филон не был филантропом — этот владелец скромной должности¹⁶⁷, видимо, добился неплохих шансов дать сыну университетское образование. Но мы можем быть уверены, что в южном пригороде Парижа его уважали. Иначе землепашец Жан Окок из соседней деревни никогда бы не вверил ему свою судьбу.

¹⁶³ Y 90, f. 10.

¹⁶⁴ Y 88, f. 337.

¹⁶⁵ Y 93, f. 61v.

¹⁶⁶ MC. LXXIII. 10 (23.07.1547).

¹⁶⁷ Так, например, зятем такого же сержанта юстиции из соседнего предместья Сен-Жермен-де-Пре был простой поденщик (manouvrier). MC. LXXIII. 17 (12.04.1552).

Дарения должны основываться на доверии. Порой пожилые люди впрямую выражают эти чувства. Вдова дарит имущество «доверяясь добром и честности» (*prudomie*) своего сына-крестьянина, «который всегда помогал ей в ее делах, нуждах и необходимостях»¹⁶⁸. Крестьянину Клоду Саважу «известна добродорядочность (*bonne probité*) своего сына, который бдит и трудится изо дня в день (*vigillet et travaillet*)». Долгожитель Жан Орри-старший объясняет, что в настоящий момент нет никого, кто бы с ним обращался нежнее его сына, Жана Орри-младшего. Выражение доверия может быть и косвенным, через описание услуг и благодеяний. В актах группы «Б» встречаются целые истории. Жиль Шедевиль, клерк-стряпчий, благодарен своим братьям и сестре. С прошлого Сретеня они «приютили, ухаживали, кормили и содержали его». «В продолжение указанного срока он был болен, и поныне пребывает в недуге, они же оплачивали его нужды как в лекарствах, так и в других вещах, а также все это время кормили и давали кров тем, кто ухаживал за ним во время болезни»¹⁶⁹. Крестьянская вдова Жанна Годард, адресует дарение мужу своей внучки, приставу Счетной палаты¹⁷⁰. При этом она рассказывает, как ее сын (отец внучки) заботился о дарительнице на протяжении 28 лет, а о ее покойном муже —17 лет, а когда тот умер в Париже, в доме сына, то был достойно похоронен на его деньги. Последние же два года ее содержит муж внучки и обязуется содержать в будущем¹⁷¹. Крестьянин из окрестностей Конфлана, Пьер Леспревье, сообщает, что вот уже год он болеет в доме сестры и ее мужа. Они «возили его в Париж показать врачам, чтобы вылечить его, если возможно»¹⁷². Трудно списать подобное красноречие только на неопытность провинциальных нотариусов, из четырех только что перечисленных актов два последних были составлены в Париже нотариусы Деферкуа и Тибо.

¹⁶⁸ Y 98, f. 275.

¹⁶⁹ Y 97, f. 70v.

¹⁷⁰ Пред нами один из примеров социальной мобильности. С вершин парижской чиновной иерархии должность пристава выглядела скромно. Но для крестьянина, пусть даже очень зажиточного, королевская служба означала уже совсем иной уровень престижа. Мы, к сожалению, не знаем, какого статуса добилось второе, промежуточное поколение этой семьи.

¹⁷¹ Y 97, f. 84v.

¹⁷² Y 97, f. 433.

Вспомним, что ничего подобного не встречалось в дарениях студентам. Иногда, но, впрочем, достаточно редко, их благодарили за оказанные ранее «добрые услуги». Видимо, форма университетского дарения была на редкость устойчивой и самоочевидной для всех участников сделки. Что же касается пожилых дарителей, то их стремление, расставаясь со своим имуществом, по возможности подробно описать мотивы своего поступка, служит косвенным указанием на экстраординарность подобной практики.

Но как и в университетских дарениях, в большинстве дарений «по старости и нетрудоспособности» присутствует формулировка *«по доброй любви и склонности»* (*par bone amour et dilection*), иногда, впрочем, любовь объявляется еще и «пылкой» (*fervent*). Эта формулировка употребляется даже там, где не только любовь, но и доверие можно поставить под вопрос. Например, в случае, когда стороны долгое время судились друг с другом¹⁷³. Сержант Булонского парка Николя Вакет дарит свой дом сестре *«в силу природной любви, и чтобы вознаградить ее за труды, расходы и услуги»*, за время, пока даритель пребывал в тюрьмах Консьержери, Шатле и на епископском подворье. С благодарностью за помочь «с воли» мы уже сталкивались. Но уникальна формулировка: он требует, чтобы сестра приютила, содержала и кормила бы его *«согласно его положению и без обмана (sans fraude)»*¹⁷⁴. Жульничества опасались участники многих нотариальных актов, но среди наших дарений в таком контексте это

¹⁷³ Y 96. f. 329. Магдалена Борден, проживающая в предместье Пюиссо, добивалась регистрации (*l'enterinement*) королевских писем, разрешающих отмену ранее составленного контракта. Она вела тяжбу в суде Парижского прево со своим деверем Мишелем Фалезом, стряпчим и прокурором из Пюизо. Некогда вдова совершила в его пользу дарение всего своего имущества, которое она теперь пытается аннулировать. Стороны понесли немалые расходы, пошли к местному письмоводителю и заключили мировую: Фалез дает полный отчет в управлении имуществом и выплачивает остаток, она же возвращает его Фалезу. Примечательна формулировка: *«учитывая хорошее обращение, любезные хлопоты и обхождение (bon traictement amyable sollicitude et curialité), оказываемые ей вышеназванным Фалезом, и в надежде, что он будет так поступать в дальнейшем в болезни, которую Богу было угодно наслать на нее»*. Сумма же, возвращаемая Фалезу, была немалой и составила 500 ливров.

¹⁷⁴ Y 97, f. 469.

слово встречается только здесь. Отражает ли оно сложность отношений с сестрой, или это тюрьмы сделали сержанта мнительным?

Таких «экскурсов в прошлое» довольно много среди дарений группы «Б». Похоже, что здесь они заменяли эксплицитное выражение доверия, характерное для актов пожилых людей.

Перечисление обязательств по отношению к дарителю дает представление о том, какой уход в идеале должны были получать пожилые или нетрудоспособные люди. Более чем в половине актов они стереотипны. В них содержатся требования «кормить» (*nourrir*), «питать» (*alymenter*), либо же «снабжать» (*querrir et livrer*), «предоставлять питье, еду, огонь, постель, свет» (*clayrte либо lumiere*), «кров» (*hostel*), «одежду», «обувь», «белье нательное и постельное» (*linge et lange*) и вообще «все необходимое». Однако порой обходились кратким: «содержать и кормить». Вполне возможно, что эти штампы никак не связаны с реальностью. Но если прислушаться к этим требованиям и обязательствам, то что волновало дарителей?

Оказывается, чаще всего встречается мотив достойного обхождения. В полусотне актов дарителя обязуются содержать «достойно, как подобает его положению». Это еще один штамп, казалось, лишенный реального смысла. Ну какой такой статус мог быть у жалкого пастуха, живущего на иждивении дяди? Но он требует он достойных, «почтенных» похорон¹⁷⁵.

Случайно среди нотариальных актов мне попался договор об ученичестве. Колпачник из предместья Сен-Марсель взял в учение сироту, пяти лет отроду, дочь покойных поденщика-крючника¹⁷⁶ и некоей Сюзанны, «о которой ничего неизвестно». Но и в этом случае мастер обязуется «содержать и одевать девочку хорошо и достойно, сообразно ее положению»¹⁷⁷. Выходит, достоинство, соответствующее статусу, предполагается и у самого жалкого человека. Конечно, это один из штампов, но из тех, на которых, быть может, и стоит цивилизация.

¹⁷⁵ Y 98, f. 307v.

¹⁷⁶ Les crocheteurs — крючники, грузчики, пользовались в Париже дурной репутацией, сопоставимой с одесскими бенджиками. В представлениях парижан это «дно» общества, люди порочные и агрессивные. См. Geremek B. Les marginaux parisiens aux XIV^e et XV^e siècles. Paris, 1976.

¹⁷⁷ MC. XXIII. 17, f. 3.

Некоторые впрямую апеллируют к норме, требуя относиться к себе так, «*как и должен относиться сын к своим родителям*». Иногда эта формулировка устанавливает квази-родственные связи. Вдова парижского галантерейщика Жанна Делик требует от Франсуазы Мусель, проживающей с дарительницей, «*относиться к ней так, как и должна хорошая дочь относиться к своей матери*»¹⁷⁸. Но и кровное родство, порой, нуждается в такой отсылке к норме. Сын Перены Эно, парижский буржуа, обещает обходиться с ней «*достойно и с нежностью, как и подобает ее положению и как хороший и истинный сын обязан поступать в отношении своей матери*»¹⁷⁹. Сын обещает крестьянину из Нантулье переехать к нему, «*справедливо и по чести кормить, одевать, содержать, питать, помогать и пособлять своему отцу должным образом на протяжении всей его жизни, как себе самому и даже лучше, как и должен поступать хороший сын по отношению к отцу*»¹⁸⁰.

Такова же и природа требований питаться с одного стола. По-видимому, оно служило «критерием качества» для определения уровня услуг. Ослепшая Масе Ле Пелетье так и начинает перечень условий своему партнеру Жану де Марну. Требование совместной трапезы часто подкреплялось требованием совместного проживания. Даже в дарении монастырю крестьянин Ноэль Обэн-старший оговаривает, что его должны «*поселить, разместить, и обогреть в здании аббатства, а не в каком -либо ином месте*»¹⁸¹.

Вообще дарения монастырям наиболее подробны. Это вполне понятно, ведь аббатиссы и приорессы были людьми чужими. И даже многочисленные требования содержать дарителей не хуже прочих наследников обители казались недостаточны. Все расписывалось до мелочей. Нотариусам, скорее всего, платил монастырь, поэтому бумаги они не жалели. В дарении Ноэля Обена монотонно перечислялись земли, разбросанные по округе, повторялись закрепительные формулы, говорилось о «*желании участвовать в молитвах, службах и благих делах, творимых ежедневно в аббатстве*». В итоге акт растянулся на шесть листов. Монахини обязались выделить служителя для ухода за крестьянином, а также обещали кормить его лошадь.

¹⁷⁸ Y 100, f. 196v.

¹⁷⁹ Y 99, f. 125.

¹⁸⁰ Y 94, f. 141v.

¹⁸¹ Y 95, f. 300.

Пожилому буржуа Жану Дюку и его жене парижская обитель Дев Божьих обязуется оставить в пользование их жилье близ монастыря «и ежедневно выделять хлеб, вино и рацион (*pitance*) совсем такой же, как и монахиням». Из прочих услуг дарителям обещана только стирка белья, а одежду, обувь и отопление они будут обеспечивать самостоятельно¹⁸².

Очень подробно описывает свой рацион вдова Колетта Шовель в дарении Августинцам из Ланни-сюр-Марн. Как и монахам, ей выдается хлеб, вино, рацион а также «ежедневно пол-сетье вина¹⁸³ к обеду и столько же на ужин», а в «субботу и иные дни, когда монахи не имеют обычной порции, они обязаны выдавать дополнительный рацион (*pitance compestante*)». Можно заключить, что такой режим благоприятно сказался на здоровье вдовы. Ведь этот документ был лишь подтверждением акта, сделанного ею восемнадцать лет назад, в 1534 г. Но Августинцам это показалось слишком накладно, и ее убедили передать еще три виноградника.

Но наиболее интересен акт Тома Мазе, виноградаря из Сен-Жермен-де-Пре. Он и его жена «пришли в монастырь Нотр-Дам-де-От-Брюйер... к Луизе Ле Пикар, приорессе, и еще пятерым сестрам, составляющим наиболее здоровую часть означенных монахинь этого приорства. По просьбе супругов они собрались у большой решетки в церкви¹⁸⁴, где обычно обсуждаются дела указанного приорства». Посовещавшись, монахини дали ответ. «Под звуки рожков (*tumble*) все собрались у решетки и благоизволили принять дарение». Супружов обязывались содержать не хуже монахинь этого ордена, «выделить дом и жилье, сообразно их достоинству, до конца жизни выдавать им еду и содержание». А именно: «ежегодно 6 мюи вина с виноградников самого Мазе и

¹⁸² Y 98, f. 92.

¹⁸³ Классический сетье Старого порядка, применявшийся для объемов жидкости, был равен восьми пинтам. Если исходить из того, что французская пинта равнялась 0,93 л., то выходит, что к столу вдова получала почти четыре литра вина. Речь, правда, могла идти о каком-нибудь местном сетье.

¹⁸⁴ Grille, Gril — решетка символически разделявшая в монастырских церквях монахов и представителей внешнего мира. Такая решетка помянута и в монастыре Дев Божьих.

по его выбору¹⁸⁵; мяса сырого или вареного каждый день, а в постные дни — яиц и рыбы, как заведено у монахов их обители; белого хлеба в достатке, как у тех же монахов, ... дров (топить смотря по погоде и по их желанию), овощей, масла, яиц, сыру, как тем же монахам. А для выхода каждому по свободному платью серого сукна, подбитого панбархатом (fourre de grosse ranne), что в просторечии зовется вечерним платьем (robe de nuit), каждому в год по паре тапок, по две пары башмаков и по паре туфель из черного сукна и прочую необходимую для них одежду, с колпаком и шляпой для указанного Мазе и жакетом... таким, какой он носит ныне». Монахини за свой счет перевезут их вещи из Парижа в монастырь, и обещают, «что в случае необходимости за ними будет ухаживать служанка из их обители, опекать их, заботиться, лечить (medesunyer) и ухаживать в их болезнях подобно тому, как поступают с заболевшим монахом из этого ордена».

Да, этот акт напоминает страну Кокань: мясо каждый день, вино свое, белый хлеб, прислуго, чистое платье. Но Мазе и его супруга — особые личности, нотариус назвал их «достойными людьми (honnêtes personnes)». Так величали респектабельных горожан — буржуа, судейских, цеховых мастеров. Но чтобы так называли крестьян или виноградарей, хотя бы и живущих в Париже? Среди зарегистрированных в Шатле актов других примеров я не нашел. Правда, этот акт составлялся не парижским, а провинциальным нотариусом. Во всяком случае, данная ситуация нетривиальна. Но именно поэтому чрезвычайно информативна.

Дарения частным лицам не столь подробны, но и они сообщают важные детали. Крестьянин из окрестностей Конфлана по-своему апеллирует к норме, предписывая «обеспечивать его всей одеждой, обувью и башмаками как сельского жителя (comme homme de champ et village)¹⁸⁶. Восьмидесятилетнему Клоду Соважу обещают ежедневно «пинту вина по мере Сен-Дени¹⁸⁷ для того, чтобы пить самому». Катрин Раборен, крестьянская вдова, хочет ко дню Мартина-зимнего получать поросенка стоимостью в 60

¹⁸⁵ Т. е. 1644 л. В день выходило по четыре с половиной литра на двоих. Кстати, в акте упоминается и урожай с виноградников Тома Мазе. В том году он составил 12 мюи.

¹⁸⁶ Y 97, f. 433.

¹⁸⁷ 0,93 л.

турских су¹⁸⁸. У престарелых горожан, как мы уже видели, могли возникать особые трудности со стиркой — вдова колпачника из Сен-Марсель «очень старая и в недомогании (indispose de sa personne) предписывает стирать и держать чистой свою одежду»¹⁸⁹.

Дарителей удручала перспектива болезней и нарастающей беспомощности. Порой они оговаривали услуги служанки, поводыря или сиделки. «По причине дряхлости своей персоны, слабости и преклонного возраста» Гильеметта Мари требует от своего сына-крестьянина помимо прочего «заботиться о ней в том состоянии, в которое Богу будет угодно ее ввергнуть». Она, кстати, в преамбуле акта заявляла о намерении посвятить себя Богу и душе¹⁹⁰. Болезни заставляли думать о горнем. Колетта Шовель требовала от Августинцев в случае болезни «выделить ей помощь для ухода... и поставлять ей телесную пищу, соответствующую ее недугу». Получается, что в обычных случаях монастырь дает пищу духовную (это, как мы убедились, не совсем так), в экстренных — телесную. Вспомним термин «блага земные» в акте спиритуалистически настроенной Гильеметты Местрю. Религиозность Колетты Шовель побудила ее начать мессы о спасении души еще при жизни. Прочие просили заказать их лишь после своей смерти.

Упоминаются в актах и предметы обихода. Как правило, там, где оговаривается возможность изменения договора. Если дарительнице не понравится жить у сына, она может съехать, «забрав кровать, пуховые подушки, и прочие свои спальные принадлежности (garniture) из его дома, а также большой сундук, скамью со спинкой, и одежду»¹⁹¹. В другом акте также говорилось, что распродаже не подлежали постельные принадлежности и сундучок для одежды. Этого дарителя лишить не могли, даже в случае расторжения договора. Но насколько возможной была такая перспектива?

«Бедная слепая женщина» Андреа Фари дарит виноградник своей крестнице и ее супругу. Они же обещают «рассматривать настоящее дарение как недействительное, если к ней вернется зрение»¹⁹². Жанна Делик, как мы

¹⁸⁸ Y 97, f. 237.

¹⁸⁹ Y 97, f. 311v.

¹⁹⁰ Y 98, f. 272.

¹⁹¹ Y 96, f. 338.

¹⁹² Y 93, f. 401v.

помним, требовала от живущей с ней Франсуазы Муссель «*обходитьсь с ней... как доброй дочери подобает*». Но «если указанная Муссель будет поступать иначе, дарение теряет силу»¹⁹³. Даже девяностопятилетний Жак Орри сохраняет право выбора: «если же указанный даритель захочет жить не со своим сыном, но переехать куда ему заблагорассудится, то ему тогда положен пенсион в 50 турских лиров ежегодно»¹⁹⁴.

Инициатива разрыва контракта может исходить не только от дарителя. Так, вдова парижского буржуа передает аббатству Монмартрскому дом под знаком «Серебряного льва», по поводу которого ведется тяжба. Монахини берут на себя ведение процесса. Но если дело будет все же проиграно, то и обязательства по уходу за вдовой аннулируются¹⁹⁵. Заслуживает внимания акт Жана Тьери, викария церкви Брийса. Его брат обязуется «*давать есть и пить, когда заблагорассудится дарителю, и разумно трапезничать (prendre ses reffections¹⁹⁶ raisonablement) совместно с ним*»¹⁹⁷. Угощение гарантировано, но в пределах разумного.

Агнес Сюссевин, вдова парижского буржуа, заключает договор с книгопродавцем Мартином Ру, живущем в одном доме с нею. Тот обязуется выполнять все ее распоряжения, «*достойные и законные*» (*luy obeyr en tous ses commandements licites et honnestes*)¹⁹⁸. Колетте Шовель Августинцы обещают «*помогать и служить в делах законных, достойных и разумных*» (*licites honnestes et raisonnables*). Вполне вероятно, что эти термины призваны защитить от капризов дарителя.

Требования «*содержать достойно*», как «*подобает доброму сыну*», конечно, субъективны. Однако в дарениях указываются и вполне конкретные денежные суммы. 50 турских су в месяц, запрошенные Жаном Ококом «на мелкие расходы» — много это или мало? Об их предназначении говорят сами акты.

¹⁹³ Y 100, f. 196v.

¹⁹⁴ Y 97, f. 425v.

¹⁹⁵ Y 96, f. 42.

¹⁹⁶ Этот оборот, возможно, выдает социальную принадлежность дарителя. «*Refection*» — совместная трапеза в монастыре. Дарители, как мы видели, часто говорили о еде, но никто не употреблял подобного термина.

¹⁹⁷ Y 95, f. 400.

¹⁹⁸ Y 93, f. 356v.

Как мы помним из мотивировок, целью многих остается теперь лишь забота о душе. «Карманные деньги» нужны им для богоугодных дел. Так, вдова парижского мастера-каменщика будет получать от сына по три су в неделю на раздачу милостыни (*pour faire ses aulmosnes*)¹⁹⁹. Порой по праздникам предусматривались специальные выплаты. Масе Ле Пелетье каждое воскресенье будет получать по 12 денье на свои нужды, а в большие праздники по 2 су. Крестьянину Пьери Пьерэ сын обещает выдавать семь с половиной су по четырем главным праздникам. Это, кстати, минимальная сумма среди выплат «на мелкие расходы». Четырежды в актах оговаривается выплата 12 денье еженедельно (т. е. 4 су в месяц), 30 су в месяц будут выплачивать престарелому буржуа-галантёрийщику, 50 — Жану Ококу и целых 60 некой Мари Летелье, названной в акте «*honorable personne*». Следовательно, сержант Филон сулил весьма приличные условия нашему крестьянину.

Кроме «карманных денег», акты иногда говорят о возможной замене «питания и ухода» пенсионом. Часто упоминаются суммы в 30 и в 50 ливров. Это немало (для сравнения — один из дарителей предписывает выделить по 60 ливров своим дочерям, чтобы выдать их замуж или определить в монастырь). Если Перенна Эно, вдова мастера-каменщика, переживет сына, то его наследники будут выплачивать ей по 100 ливров в год²⁰⁰. В наших актах нет суммы, крупнее этой. Самое скромное содержание выговаривает себе Катрин Раборен. Если она не захочет жить у своего сына-священника, то он будет выдавать ей ежегодно по 15 ливров и по одному поросенку. Она также апеллирует к норме, предписывая сыну выдать замуж сестру и «*дать ей приданое как дочери доброго крестьянина*».

Похороны, спасение души, поминальные службы — это волновало дарителей не меньше материальных условий существования. «*Похоронить в освященной земле*», «*достойно положить в могилу*», обеспечить заупокойные службы. Это ядро, сплошь и рядом дополняемое другими требованиями. Порой весьма

¹⁹⁹ Y 99, f. 125.

²⁰⁰ В акте той самой Мари Летелье, что оговаривала для себя самые большие "карманные деньги", в аналогичной ситуации наследники человека, взявшегося за ней ухаживать, в случае его преждевременной кончины должны будут выплатить ей 100 экю (т. е. почти 300 ливров) (Y 96 f. 81). Но речь идет не о годовом содержании, а о единовременной выплате. Y 99 f.125

колоритными. «Лишенный жены» крестьянин Ла Ривьер, как мы помним, говорил, что он здоров и в твердой памяти. Это не мешает ему предвидеть картину своего угасания. Он требует, «*чтобы во время его болезни его исповедовали, соборовали и похоронили в освященной земле, оплатили бы и осуществили его завещание и поминальные обряды в соответствии с волей указанного La Rivьera и все это на средства его детей, вплоть до суммы 4 парижских ливра*». После его кончины надлежит на каждую годовщину его смерти заказывать малую мессу поминальной службы (*une basse messe d'office requiem*) в церкви Сен-Лу — «*за спасение и облегчение (salut et remede) души его, его покойной жены и его покойных друзей. И для поддержания этой мессы даритель отныне и навсегда передает церкви Сен-Лу 6 парижских су ежегодной вечной ренты*»²⁰¹.

Не всегда, вероятно, полагаясь целиком на своих близких, они включали в текст документа и договоры с церковными старостами. Как правило, уточнялся характер служб — «*полные*» (*completes, solempnelles*), «*большие*» (*haultes*) и «*малые*» (*basses*) мессы, литании, праздничные молитвы (*vigiles*) и др. Так, Жанна Патар, вдова колпачника из предместья Сен-Марсель, обязует своего племянника, живущего в Ризе, ежегодно заказывать в местной церкви торжественную службу с тремя псалмами, тремя проповедями (*leçons*) и большую поминальную мессу на день ее смерти. Для чего племянник обязан по договоренности с местными церковными старостами учредить ренту, но эти службы должны непременно быть вписаны в мартиролог церкви Нотр-Дам-де-Риз «*для вечной памяти*». Этого набожной вдове мало. Она требует от племянника выдавать ей еженедельно по 2 су «*дабы она заказывала мессу согласно своему благочестию*». Но и после ее смерти эти мессы не прервутся. Их станет читать преподобный мэтр Дюран, парижский священник, присутствующий при составлении акта. По смерти вдовы он берется служить эту мессу по субботам в церкви Сен-Медар, прихожанкой которой она ныне состоит²⁰². За это он пожизненно может пользоваться комнатой в доме, где ныне

²⁰¹ Y 94, f. 290.

²⁰² Бург Сен-Медар к тому времени слился с пригородом Сен-Марсель, в котором жила дарительница. См. *Babelon J.-P. Paris au XVI^e siècle*. Paris, 1986. P. 249

обитает дарительница²⁰³. Жанна Патар перебралась в провинцию, но она привносит сюда утонченное парижское благочестие — молиться за нее будут не только на новом месте, но и на старом. Причем не кто-нибудь, а ученый со степенью.

Выбор места захоронения волновал старых и немощных — «*tam, где укажет даритель*», «*в главной монастырской церкви*», «*в приходской церкви*»... Но значимо и определение места, где будут возноситься поминальные молитвы. Виноградарь Андре Вернюлье просит «*похоронить его на кладбище Аркея в самом подходящем месте*» Родственники должны будут «*заказать две полных службы, так, как это здесь заведено, во время которых будут читаться «vigiles», три большие мессы и 10 малых*»... «*Надлежит также раздать по 12 парижских денье четырем соседним приходам и братству Нотр-Дам церкви вышеназванного Аркея, чтобы поминаться в их молитвах*»²⁰⁴. Эти приходы соответствуют селам, где раскинуты виноградники дарителя — Аркей, Баньо, Жантийи, Вильжюиф.

И все же похоронные обряды и заупокойные службы и благодеяния описываются в наших актах не очень подробно. Это ясно при сопоставлении с текстами духовных завещаний («*testament*», «*codicille*», «*dernier volonté*»), которые также иногда регистрировались в Шатле. Пожилые и нетрудоспособные люди склонны скорее называть общие суммы денег, необходимых на исполнение таких завещаний. Размеры их варьируют от 2 су, которые надлежит потратить на завещание крестьянина Клода Соважа, до 200 экю на исполнение «последней воли» экюье Клода де Поммель. Что же, это, по крайней мере, не противоречит общим представлениям о социальной иерархии. Как и вторая по величине сумма (50 ливров), упомянутая Переной Эно. Мы уже знаем, что она определила себе целых 100 ливров годового содержания. Однако такое соответствие упомянутых сумм нашим представлениям о статусе дарителя отнюдь не было правилом. Если трое крестьян, вдова каменщика и сельский священник выделяют на свои «*завещания*» по 20 ливров, то «*почтенная особа*» Мари Летелье вдвое меньшую сумму, хотя это она выговорила для себя самую крупную сумму «*карманых*» денег. Еще в пяти дарениях размеры «*завещаний*» колебались от восьми до четырех с половиной

²⁰³ Y 97, f. 311v.

²⁰⁴ Y 98, f. 137.

ливров. Но есть и более мелкие «завещания» в 10, 5 и даже в 2 су, как у Клода Соважа. Вспомним, кстати, что ему в неделю выдавали 12 денье, что не так уж мало для «menu plaisirs». Судя по всему, эти мелкие суммы шли не столько на организацию похорон и заупокойных служб, сколько на раздачу бедным. Об этом прямо и говорит доктор теологии Жан Локуэ или парижский стряпчий Николя Руссо: «распределить 5 су обычным манером»²⁰⁵.

До сих пор мы брали примеры из десятков разных актов. Но, полагаю, что мы уже могли заметить наличие в них индивидуального начала. Многие акты заслуживают того, чтобы быть прочитанными полностью, настолько важен в них каждый штрих. Остановимся на судьбе Кристофа Креспина.

Этот пекарь, проживающий в предместьях Парижа, за воротами Сен-Дени, заявил нотариусам, что «ему принадлежат на законном основании (*à juste tiltre*) некое движимое имущество, долговые обязательства и треть наследственного недвижимого имущества, а именно: дом, двор, колодец, огород (*maraiz*) в предместье Сен-Дени, на доме висит обычно лик святого Иоанна Крестителя». Еще один дом, приобретенный Мартеном Креспионом (возможно, отцом дарителя) на шоссе в цензиве [монастыря] Дев Божьих, другой дом, там же и еще один дом с хлевом и огородом в соседнем предместье Сен-Лоран, неподалеку от канавы святой Маглуары (*esgoulx de Sainte Magloire*). Далее «он говорит и утверждает, что из-за слабости и бессилия, в кои он впал вследствие недуга (*infirmitez qu il a supportes et supporte*), он не может ни зарабатывать на жизнь, ни содержать себя, ни работать, ни управляться в будущем без посторонней помощи. Поэтому платежи за указанные имущества не вносятся, повседневные улучшения и работы по поддержанию не ведутся должным образом. Если же их сдать чужим людям, это не принесет ему больших выгод и не обеспечит привычного содержания, и он впадет в... нищету, убытки и разорение (*dommages et interests*)». Посему он, посовещавшись со своими родственниками, близкими (*confederez*) и друзьями дарит свое имущество Жаку Удену, мэтру-пекарю и его жене Изабо Креспин, своей сестре, «по причине расположения, доверия, и особой близости... а также за разнообразную помощь, услуги, дружеское расположение и любезность (*privaultez*), по какой причине он доверяет им более, чем прочим персонам...». Со своей стороны, они обязуются за ним «ухаживать и обеспечивать... все его потребности в питье и еде, в тепле, жилье и

²⁰⁵ Y 95, f. 337v.

освещении; обходиться с ним мягко как в здравии , так и в болезни, в каком бы состоянии он ни пребывал, как и подобает — достойно и с нежностью, как и надлежит положению указанного дарителя. И каждое воскресенье выдавать ему по 12 турских денье, а также ежегодно в течение всей его жизни откармливать двух поросят». Апеллируя к норме, супруги обещают содержать поросят не хуже, чем своих собственных. По осени их будет продавать сам Кристоф Креспин. Вырученные деньги потратят ему на одежду, жилье, и содержание. Он также «вправе по своему усмотрению распродать имущество, находящееся в его комнате, за исключением кровати, постели, подушки, одеяла, балдахина, белья и сукна, сундука, куда складывают его одежду и белье, и постельной грелки (basynoine)». Все это надлежит перевезти в комнату, где он будет жить, дабы это досталось указанным супругам. «Деньги же от распродажи пойдут на закупку поросят и иных вещей, по его усмотрению. В конце дней дарителя обязаны похоронить в святой земле и выполнить его завещание в пределах суммы в 100 су — все за счет указанных супругов сразу же после его кончины»²⁰⁶.

Удивляет концентрация всех черт, ранее «выуженных» нами из десятков актов. Воссоздание конкретности бытия здесь вполне достойно Питера Брейгеля. Все очень жизненно: мирок родственников-пекарей из северных предместий Парижа, дома и огороды, приютившиеся между городской сточной канавой и шоссе, увлечение свиноводством, без которого жизнь немыслима даже на покое²⁰⁷. Но положение Креспина было далеким от идиллии.

Данный акт составлен 2 июня 1551 г., но зарегистрирован лишь через год. Второе же дарение Креспина, составленное позже, 28 марта 1552 г. прошло регистрацию очень быстро — уже 4 апреля. Что же заставило его участников спешить?

На сей раз Кристоф Креспин (названный почему-то не пекарем, а подмастерьем пекаря), адресует дарение Жану Бенуа, также пекарю из предместья Сен-Дени, но уже именуемому «merchant» (т. е. более престижным

²⁰⁶ Y 98, f. 151

²⁰⁷ В этом также живая примета времени. Пекари и мельники стали основными поставщиками свинины для городов. Только они легко разрешали обострившуюся проблему кормов. См. Майер В. Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. Л., 1979. С. 38.

«титулом»), а также церкви Сен-Лоран в Париже²⁰⁸. Им он дарит свою долю прав на три дома, из которых два расположены близ ворот Сен-Дени, а третий — в предместье Сен-Мартен. Жан Бенуа и церковная община, к которым даритель «питает глубокую любовь», обязуются «кормить его хорошо и достойно и обходить с ним с мягкостью. Когда же он умрет, похоронить, заказать три полные службы и обеспечить шесть светильников (*torches*) по полтора фунта и шесть свечей (*sierges*) по пять фунтов: четыре вокруг тела и две сверху». А также заплатить 20 су братству Сен-Николя в указанной церкви Сен-Лоран «для путешествия в церковь Сен-Фиакр в Бри...». О цели этого путешествия не сообщается (видимо, там надлежало отслужить поминальные службы), но порядок молебнов в церкви Сен-Лоран описан подробно. Церковные старосты обязуются определенные мессы служить в определенных притворах, уточняют, сколько денег получит каждый из участников, определяют распорядок и продолжительность служб. Например, малая месса будет заказываться на протяжении шести лет со дня его кончины. Есть и еще одно важное указание: Жан Бенуа и церковные старосты обязуются также выступить прокурорами на процессе Креспина против его зятя (фамилия в тексте пропущена, возможно, клерк Шатле ее не разобрал) «в связи с опротестованием некоего якобы совершенного дарения»²⁰⁹.

Вероятнее всего речь идет об отмене дарения Жаку Удену. Ведь там передаются те же три дома. И нас не должно смущать, что в первом акте дом находится в предместье Сен-Лоран, а во втором — Сен-Мартен, они ведь перетекали одно в другое. Единство стиля очевидно — все то же стремление вникнуть в детали. Вот только в августе 1551 года Креспина еще волновали перспективы откорма поросят. В марте следующего года его более занимает организация поминальных служб. Увы, такая смена настроя была обоснованной, о чем свидетельствуют регистры Шатле. Первый акт регистрировался дважды: первый раз в июне 1552 г.²¹⁰, а второй раз абсолютно идентичный текст был

²⁰⁸ Церковь Сен-Лоран, давшая название небольшому предместью, находилась не в Париже, а уже за городскими воротами Сен-Дени и Сен-Мартен, по другую сторону канала.

²⁰⁹ Y 97, f. 300

²¹⁰ Y 97, f. 471

зарегистрирован в ноябре того же года²¹¹. Однако следом за ним воспроизводился текст другого акта, составленного 8 августа 1552 г. Жак Уден и его супруга составляют дарственную некоему Люку Удену (как водится, пекарю из предместья Сен-Дени), выступавшему в роли опекуна и представителя интересов Мари Уден, дочери указанных супругов. Они делают это на правах наследников *покойного Кристофа Креспина*. Опекуну²¹² и поручалось завершить регистрацию всех документов. Любопытно, что в этом акте нет речи о каком-то судебном процессе по поводу наследства Креспина. Быть может, хлебопеки из одного предместья как-то договорились между собой? В пользу этого говорит дата регистрации второго документа — 11 ноября 1552 г., тогда как составлен он был еще в августе. Если бы велась тяжба, Удены постарались бы как можно скорее придать полную законность этому акту.

Мы вправе теперь вернуться к щекотливому вопросу о доверии ламентациям дарителей, их высказываниям и предписаниям. Очевидно, что они и в данном случае были опутаны сетью разных принуждений: нормами кутюмного права, формулами учебников по нотариальной практике, требованиями «парижского стиля» делопроизводства, произволом нотариусов. Впрочем, оба столь близких по стилю акта Креспина были составлены совершенно разными нотариусами (Жаком Леклерком в первом акте и Клодом Алле (Hallé) во втором). Похоже, что не слишком ученый пекарь из северной окраины Парижа мог в нотариальном акте запечатлеть отпечаток своей индивидуальности более полно, чем какой-нибудь адвокат или прокурор в своих университетских дарениях. Наверное, дело заключалось не только в особенностях характера Креспина (хотя и в них тоже), но и в том, что дарения по причине старости и нетрудоспособности были случаем относительно редким и потому представляли из себя менее «клишированную» форму. Нотариусы не обладали готовыми формами, чтобы предложить, а то и навязать их своим клиентам (во всяком случае, подобные образцы вряд ли были наготове в каждой конторе, наподобие

²¹¹ Y 98, f. 151

²¹² То, что опекун (*tuteur et curateur*) назначался при живых родителях, не должно нас удивлять. Имущественные отношения между родителями и несовершеннолетними детьми оформлялись при посредничестве какого-нибудь родственника, представлявшего интересы детей.

формуляров университетских дарений). Правда, провинциальные нотариусы отличались от парижан и в этом случае: многие из цитированных мной пространных мотивировок свершаемых дарений были записаны какими-нибудь заместителями присяжных письмоводителей из отдаленных приходов. Но контраст между Парижем и провинцией в этой группе актов был не столь разителен, как в случае с мотивировками университетских дарений. Парижские нотариусы в «дарениях по причине старости» также могли оказываться весьма многословными. Впрочем, у нас не так много дарений нетрудоспособных лиц, чтобы распознавать «почерк» того или иного нотариуса (за исключением, быть может, Жана Крюсе). Создается впечатление, что роль нотариусов была в данном случае более пассивной, чем при составлении «университетских дарений», они скорее сдерживали поток красноречия дарителей, пытаясь ввести его в рамки. Вернемся к казусу Кристофа Креспина. Ему была предложена расхожая формула, предписывающая обеспечивать его потребности в еде, питье, одежде и жилье. Она была включена в акт, но дальше воспроизвелись пожелания дарителя насчет поросят и распродажи мебели, что рождало некое противоречие. Выходило так, что зять брал Креспина не на полное обеспечение, на что-то ему еще предстояло заработать. Нотариус предлагал штампы, даритель принимал их, но продолжал твердить о своем. В результате рождались нестандартные обороты, оригинальные акты. Это не всегда означает, что нотариусы и клиенты творили нечто новое. Дотошность Креспина удивляет лишь в данном контексте. В духовном завещании, например, подробное перечисление свечей во время поминальной службы было в порядке вещей. Свобода выбора здесь, как и в других явлениях культуры, зачастую была свободой выбора штампов. Можно было также «играть» формой акта: придать ему вид имущественной сделки, соединить дарение с духовным завещанием или с брачным контрактом.

Вот один из таких комбинированных актов. Николя Лом женится на Клеманс де Риак, «дочери королевского сержанта сенешальства Лионского, отсутствующего в Париже вот уже 12 лет». Невеста проживает со своей матерью, Клодой Ле Бег, в доме адвоката Шарля Галоппа. После стандартного описания денежного вклада сторон в контракт неожиданно включается дарение Жанны Даниель, вдовы парижского буржуа Пьера Мерсье, которая «будучи старой и беспомощной, чтобы впредь работать, а также питая склонность к Шарлю Галоппу и зная его расположение к вышеназванной паре», дарит

молодым свое движимое имущество, «находящееся ныне в доме, где она проживает, и который принадлежит указанному Галоппу». За это молодожены обещали поселить вдову у себя, «хорошо и достойно» кормить и содержать и выдавать ей ежегодно по 30 турских ливров, никакой платы с нее не брать, а, наоборот, рассчитаться за нее все с тем же Шарлем Галоппом²¹³. «Круг близких» выглядит странно: жена пропавшего сержанта, ее квартирохозяин-адвокат, хорошо относящийся к ее дочери и жениху, наконец, вдова, которая также снимает у адвоката жилье и считает его мнение достаточным, чтобы вверить свою старость посторонним людям. Соединение брачного контракта с договором о содержании есть еще в двух актах. И хотя там речь идет об обязательствах содержать кого-нибудь из родственников невесты, они также достаточно запутанны. Есть и иные формы актов, где сразу и не разберешь, кто именно даритель. Существовали кроме того и «обратные дарения» (те акты, где вполне деятельный даритель передавал какое-то имущество престарелому или нетрудоспособному «реципиенту»), и акты, где улаживались давние судебные тяжбы...

Дарители могли употреблять особую формулировку — «en droit jugement» (*по праву решения*). Она как бы высвобождала из-под действия обычного права, позволяя, например, вносить существенные изменения в порядок наследования. Знакомство с другими сериями дарений показывает, что такие акты весьма информативны. Попав в несколько необычную ситуацию, человек старался подробнее объяснить себе, нотариусу, судьям мотивы и обстоятельства своего решения.

Но ведь все наши дарения сами по себе суть отступление от нормы. Они повествуют о вещах, обычно не обсуждаемых. Все-таки подобный акт — не какая-нибудь закладная. Это важное и редкое событие в жизни человека. Причем, как мы поняли, далеко не каждого. Хотя бы в силу того, что до беспомощной старости доживало по-прежнему весьма немногие. Дарители оказывались в исключительной ситуации. Предписания обычного права были невнятны, приходилось действовать на свой страх и риск. Уже поэтому они волновались. Люди они в основном или старые или больные. Их взволнованный голос слышится то в нравоучениях, то в благочестивых фразах, то в рассказах о злоключениях и переживаниях. Трудно сказать, перед кем они разыгрывали

²¹³ Y 94, f. 89

спектакль, но они его разыгрывали часто. Это тем более ценно, что, как мы помним, каждый новый лист, исписанный нотариусом, стоил немалых денег.

Такое состояние дарителя прекрасно передал Тургенев в рассказе «Степной король Лир». Кolorитный и немного сумасбродный помещик составляет на имя дочерей и зятя дарственную, удивительно похожую на наши. «*Отставной штык-юнкер и столбовой дворянин Мартын Харлов заявляет перед свидетелями: Становлюсь я стар, немоющи одолевают... И потому... не желая, чтобы смерть меня врасплох застала, положил я в уме своем...*». Несмотря на весь пафос, Мартын Петрович слово в слово повторяет фразу, произнесенную ранее в частной беседе. Текст акта пестрит архаизмами, сочетаемыми со стремлением описывать детали передаваемого имущества. Что вызывает комментарий: «*Это ихняя бумажка, — шепнул с неизменной своей улыбочкой исправник. — Они ее для красоты слога прочитать желают, а законный акт составлен по форме, безо всяких этих цветочков...*» «*Себе Мартын Петрович предоставлял право жить в занимаемых им комнатах и выговаривал себе, под именем «опричного», полное содержание «натуральною провизиею» и десять рублей ассигнациями в месяц на обувь и одежду. Последнюю фразу раздельного акта Харлов пожелал прочесть сам. «И сию мою родительскую волю, —гласила она, — дочерям моим исполнять и наблюдать свято и нерушимо, яко заповедь, ибо я после Бога им отец и глава... и будут они волю мою исполнять, то будет с ними мое родительское благословение, а не будут волю мою исполнять, чего Боже оборони, то постигнет их моя родительская неключимая клятва, ныне и во веки веков, аминь!»*²¹⁴

Мы вправе верить жизненности этой сцены. Ведь Тургенев консультировался у опытных стряпчих Орловской губерни. Тургеневская ситуация отличалась от рассматриваемых нами казусов лишь в одном. В николаевской России бюрократия продвинулась вперед в своем унификаторском рвении. Стряпчие составляют два акта — один для самого Харлова и публики, другой — для формы. «*Только форму, вы знаете, Мартын Петрович, никак обойти нельзя. И лишние подробности устраниены. Ибо в пегих коров и турецких селезней палата никаким образом входить не может*». А во Франции времен Кристофа Креспина парижский прево селезнями хоть и не интересовался, но и полного

²¹⁴ Тургенев И. С. Степной король Лир // Тургенев И. С. Собр. Соч. Т. 9.

единообразия добиваться не хотел, да и не мог. Главное, чтобы дарения были зарегистрированы и уплачены деньги.

Характерно, что при всей эксцентричности даритель выражается штампами. Но штампами устарелыми, архаичными. Оригинальность и наших дарителей проявляется в употреблении не тех штампов не в том месте. Они могли искать их сами или выбирать из вариантов, предложенных нотариусом. Это было совместное напряженное творчество.

Что касается штампов, то они важны сами по себе, не менее, чем стереотипные мотивации университетских дарений. Важны для нас, поскольку дают представления о базовых основах культуры (через стереотип «достойного положения», через апелляции к норме). Важны для дарителей, поскольку формируют идеал, воздействующий на поведение сторон. Кроме того, через штампы осуществлялось самовыражение дарителя. У нас немало нестандартных оборотов, оригинальных актов. Это не всегда означает, что нотариусы и клиенты творили нечто новое.

Впрочем, в некоторых случаях достаточно ясно видны следы работы самого дарителя, его авторский стиль. Мне удалось выделить три таких документа, явно выпадающие из нашего достаточно пестрого ряда дарений. Доктор теологии Жан Локуэ хочет одарить своего племянника, «испытывающего великую немощь глухоты», и составляет дарственную самостоятельно, и только спустя некоторое время несет ее к нотариусам. При этом выясняется, что он сам весьма стар, и страдает слабой памятью, чем объясняется то, что он по забывчивости подарил уже подаренное имущество бедным школярам родной коллегии. Эта ситуация вскрыла целую серию скандалов, связанных с престарелым богословом. В результате стороны сделки обменялись ролями: в конце концов сам «немощный» племянник берет Жана Локуэ на свое попечение в обмен на дарение принадлежащего ему дома²¹⁵. Как классифицировать этот акт? Тема старости здесь присутствует. Но она отнюдь не в центре внимания и никто не ставит под вопрос работоспособность дарителя. Напротив, это он помогает беспомощному племяннику. Ни провалы в памяти, ни трудности с письмом не мешают ему продолжать числиться на факультете — он ведь и во втором акте назван «ведущим доктором» (*docteur-regent*). Кстати, отправить на

²¹⁵ Y 97, f. 220v

покой престарелого интеллектуала всегда было мучительной проблемой и для Парижского Парламента²¹⁶.

Другой теолог, гораздо более известный, чем Локуэ, декан факультета Николь Леклерк передает свой дом племяннице и ее мужу, советнику Парламента, которые «в течении двадцати трех последних лет проживают совместно с указанным Леклерком и обращаются с ним мягко и человечно (*le traictant doucement et humanement*), помогая ему вести процессы против своих племянников, заботясь о нем в его болезнях и прочих текущих нуждах»²¹⁷. Далее следовало захватывающее изложение истории злодяйий племянников. Для этого декану потребовалось целых пять листов ин-фолио, а затем еще пять актов, дополняющих первое дарение. Рисуемый в дарении образ немощного старца, нуждающегося в уходе, находится в разительном контрасте с той кипучей энергией, с которой теолог ведет борьбу со своими могущественными обидчиками.

Пьер Галланд, «лектор короля в Парижском университете», передает некоторое имущество канонику Терруаны, «чтобы отплатить ему за оказанные тем любезные услуги, а также потому, что он теперь старый и болезненный, и дабы он лучше смог прожить свои дни и поддержать свое состояние»²¹⁸. Интересных особенностей здесь две. «Отблагодарить за услуги» хотят во многих актах, их намного больше, чем наших дарений. Но чрезвычайно редко вознаграждение связывается с темой старости. Кроме того, мы легко заметим отсутствие привычного нам объявления о невозможности более трудиться. Пьер Галланд, первый преподаватель «красноречия» в университете, гуманист, сделавший в университете успешную карьеру как в качестве «королевского лектора», так и на посту руководителя (принципала) коллегии Бонкур.

Во всех трех случаях некоторая нестандартность нотариального акта соответствовала в той или иной степени личности экстраординарной, о чем мы будем достаточно подробно говорить в следующей главе.

²¹⁶ Autrand F. La force de l'âge: Jeunesse et vieillesse au service de l'état en France aux XIV^e et XV^e siècles // Comptes rendus de l'Académie des inscriptions & belles-lettres de l'année 1985 (janvier-mars). P. 205–223.

²¹⁷ Y 93, f. 51.

²¹⁸ Y 98, f. 121.

Но существовала и обратная связь. На основании сочного акта мы можем многое сказать о личности дарителя. Даже если о нем не сохранилось иных свидетельств. Но мы убедились, что рассуждения подобного рода возможны только при наличии серии однотипных документов. Для того, чтобы назвать что-то из ряда вон выходящим, надо сначала построить этот ряд. Определить заданные для самовыражения рамки, чтобы оценить индивидуальную стратегию и тактику нотариального поведения.

Обращает на себя внимание стремление укоренить свой акт не только в пространстве, но и во времени. Даритель устремляется помыслами в будущее, представляя конец своей земной жизни и начало небесной. Описывает свое актуальное плачевное состояние и взаимоотношение с близкими. Рассказывает, как арестовали его жену, как когда-то он упал с лошади, как десять лет назад супруга сломала ногу, как помогали или, наоборот, обманывали родственники.

В регистрах Шатле можно найти на эту тему немало развернутых рассказов детективного жанра. Например, злоключения молодой вдовы Жанны Пикард²¹⁹, или повествование Шарля Дюмулена о коварстве своего брата. Жесткая заданная форма акта не мешает хотя бы части дарений конструироваться по законам нарративного жанра. Подобная повествовательная логика раскрыта Нэтали Дэвис в исследовании, посвященном прошениям о помиловании. Они так же составлялись дарителями в соавторстве с клерками, так же пестрели стереотипами. Но при этом сохраняли индивидуальность и информировали как о реальном положении вещей, так и о неких общественных ценностях. Ею подмечена черта, отчасти свойственная и нашим актам. Почти каждый документ

²¹⁹Жанна Пикард рассказывала, как в день святого Лаврентия она, будучи беременной на девятом месяце, отправилась со своим мужем-шорником на ярмарку. По дороге они подверглись нападению и муж был убит. Ее отец-крестьянин на следующий день «вместо того, чтобы оказать ей поддержку и утешение», заставил письменно отказаться от всех своих прав, а затем выгнал из дома. «Оставленная своими родными, она побиралась, бродяжничала, лишенная всяких средств». Ее подобрал инспектор Монетного двора (*garde de monnaye*) Ферри Ошекорн . Он забрал ее к себе домой, где она разрешилась от бремени, крестил ребенка и содержал их, возбудив в суде дело против убийцы мужа и против отца. Дарительница же отказывается от всех своих прав в пользу благодетеля (Y 94, f. 308v).

— не просто рассказ, но, как у Чосера «рассказ мельника», «рассказ купца»... Он лежит в русле средневекового тропа «Estat du monde»²²⁰. Если для построения полной картины «Сословий мира» данных у нас маловато, то наличие характерных социальных свойств в дарениях крестьян вполне очевидно. Нечто подобное мы можем предполагать в актах «буржуа и торговцев», определенные социальные черты проявляются и в дарениях священников.

Итак, мы можем на основании заявлений или умолчаний дарителей попытаться воссоздать фрагменты реальности.

О своем страхе остаться без посторонней помощи говорят только те, кто не адресует дарения детям. Это может указывать на большую, нежели сейчас, уверенность стариков, что при живых детях их не бросят. Следующее наблюдение касается крестьян. Создается впечатление, что в первую очередь именно они с возрастом теряли способность продолжать свою деятельность. Во всяком случае, они склонны говорить об этом чаще прочих. Оно и понятно: землю пахать — не в Сорbonne читать. Но крестьяне также менее других склонны считать преклонный возраст достаточным основанием для ухода от дел. Им надо непременно указать на свои болезни и немощи.

Значимы и умолчания. Уходящие на покой люди порой перечисляют все свои потребности. Но ни один не упоминает о необходимости продолжать общение с ровесниками, друзьями, соседями. Те, кто будет жить при монастырях, казалось, могли бы оговорить возможности свиданий с близкими. Но этого нет. Примечательно также, что хотя женщины и составили треть всех наших актов, никаких специфических «женских» черт не удалось обнаружить ни в одном из элементов дарений (кроме, разве что оговоренной пару раз помощи в стирке белья).

И еще одно наблюдение. Достаточно часто акты адресованы сразу нескольким детям и их супругам. Но нигде не оговорено, как будут распределены обязательства по уходу (например, жить старик мог бы у сына, а деньги брать у зятя). Значило ли это, что обязанность содержать родителей признавалась нормой всеми детьми?

Наши дарители сплошь и рядом испытывали трудности. Многочисленны были конфликты и недоразумения. Иначе бы и не составлялись акты. Но из них

²²⁰ Davis N. Zemon. Pour sauver sa vie: Les récits de pardon au XVI siècle. Paris, 1988. P. 102.

вырисовывается некий идеальный образ старости. Пожилой (или еще нестарый, но нетрудоспособный) человек, отстранившись от дел, живет в окружении своих близких (детей, братьев). Но никто не ограничивает его свободу выбора. По желанию он может и сменить, скажем, парижскую суету на сельскую жизнь. Но он знает, что не останется без ухода в старости. Он живет, если не лучше, то уж никак не хуже тех, кто теперь ведает всем хозяйством, разделяя их стол и кров. Он «достойно одет», так, как привык одеваться всегда, согласно своему статусу. Он сохраняет свой привычный режим питания, куда входит доброе вино в количестве, вызывающем у насуважение²²¹, белый хлеб, свинина, а в постные дни яйца и рыба. Ему обеспечен уход по болезни — консультация у врачей (если надо, к нему привезут хороших медиков или самого доставят к ним), сиделка, лекарства, особое питание. Он уже не распоряжается свободно семейным имуществом, но у него есть деньги на мелкие расходы. Отойдя от сутиности греховного мира, он все больше думает о душе и Боге. Раздает милостыню, часто ходит в церковь, заранее выбирает место для могилы, составляет духовное завещание, заботится о порядке чтения заупокойных молитв, поминальных служб. Впрочем, он может еще и помогать младшим членам семьи, внести свой вклад в приданое дочери или внучки. Сквозь заботы об удовлетворении материальных потребностей и о спасении души проступает стремление «сохранить лицо» — хорошо выглядеть в глазах людей. Достойно и чисто одеваться, быть похороненным с подобающей торжественностью. Последний (и предпоследний) этапы жизни обустраивались как публичное деяние.

²²¹ В литературе XVI в. одной из традиционных инвектив в адрес старииков было обвинение в пьянстве. Это мы можем найти у столь отличных друг от друга авторов, как Эразм, Рабле и Кастильоне. Антонио Гевара, епископ Кадиса, в ответ на подобные упреки ссылался на опыт древних готов, которые имели обыкновение выпивать столько кубков вина, сколько им было лет (*Antonio de Guevara. L'Horloge des princes. Paris, 1588. P. 305*). Медицинские теории того времени поощряли старииков к потреблению вина как к средству от потери тепла и влажности, которые характеризовали процесс старения (*Bacon Fr. De augmentis scientiarum // Bacon Fr. Philosophical Work / Ed. J. Robertson. London, 1905*).

Кроме общего идеала, дарения отражают некие специфические социальные черты. Лучше всего они проявляются в актах крестьян и виноградарей (даже тех из них, кто жил в самом Париже или его предместьях). Крестьяне вообще больше других групп склонны в эксплицитной форме выражать некие идеальные представления о старости. Подобная особенность крестьянских дарений наблюдается, как мы убедились, и на материале университетских дарений.

И, наконец, как мы убедились, дарения сугубо индивидуальны. Они помимо воли авторов выражают какие-то сокровенные и неповторимые черты их личности. Причем индивидуальные особенности Жана Окока могут быть поняты и раскрыты лишь в контексте всех прочих актов. Однако через эту уникальность мы можем подняться до каких-то обобщений о крестьянских дарениях, о принятых в обществе культурных стереотипах.

Если же соотнести результаты нашего исследования с историографическим контекстом, то становится ясным, что представления о «жестокости» XVI в. по отношению к старикам основаны лишь на литературной традиции, на карикатуре. Старость, во всяком случае, идеальный ее образ, запечатленный в нотариальных формулировках, может оказаться не лишенным определенной величественности и достоинства. Страшна была лишь одинокая старость: если умирали родственники. Особые проблемы возникали у людей, занятых физическим трудом, в первую очередь у крестьян. Вместе с тем наши данные, скорее, подтверждают, чем опровергают тезис об отсутствии особой социальной группы пожилых людей, а также об отсутствии определенной социальной рефлексии по этому поводу. Не случайно нам порой очень трудно было отделить дарения группы «А» от дарений группы «Б», лишь отдельные обороты в формулировках нотариальных актов могут быть истолкованы как специфически «стариковские». В остальном же речь шла о помощи человеку, лишенному трудоспособности и самостоятельности независимо от его возраста. В любом случае, для француза XVI в. реальность смерти затмевала весьма проблематичное проживание до старости. Если оставаться в рамках нашего источника, то объективным доказательством этого высказывания может служить подавляющее преобладание завещаний над дарениями по причине старости, даже в регистрах Шатле. Субъективным же подтверждением является стереотипная фраза большинства завещаний: *«полагая, что нет ничего более ясного, чем смерть, и ничего более неясного, чем день и час ее»*.

Краткие итоги реконструкций на основе нотариальной практики.

Двустороннее творчество. — Индивидуальность через стереотипы. — О пользе исключений.

Итак, в данной главе мы рассмотрели различные стороны нотариальной практики: способы составления нотариального акта (в частности, университетского дарения), выбор формы мотивации этого дарения и составление дарений по причине старости. Мы могли бы и дальше продолжать эти реконструкции, но, по-видимому, главное мы уже ухватили: составление акта было, как минимум, двусторонним творчеством клиента и нотариуса. Причем роль «нотариального принуждения» была весьма существенной, особенно в Париже. Но, несмотря на это, а, может быть, и благодаря этому, нотариальные акты являются средоточием стихии эмпирической реальности, стереотипных («ментальных») установок в обществе и личной неповторимости составителя акта. Иными словами, мы можем «считывать» с нотариального акта информацию о «материальной реальности», общественных ценностных ориентациях и индивидуальных особенностях человека. Нотариальная практика при этом, конечно, социально окрашена. Мы не беремся утверждать, что она несет на себе отпечаток «объективной» социальной иерархии или же она сама творит, на свой манер, эту социальную иерархию, но, во всяком случае, взаимная зависимость этих двух явлений несомненна. Так, если бы мы ничего не знали из первой главы о том, кто такие землепашцы (*laboureurs*), то только на основании того, как эти люди мотивируют доверенность студентам и формулируют дарения по старости, мы бы выделили их в отдельную социальную группу.

Но теперь мы можем, наконец, резюмировать те наблюдения, которые, как мне кажется, не могли пройти незамеченными при чтении всех трех параграфов. При том, что общим, но недостижимым идеалом при составлении актов была их унификация, тем не менее в каждом случае наиболее ценную для нас информацию содержали именно исключения, некоторые выпадающие из нормы казусы. Причем они интересны не только сами по себе, но имеют значение и как источники, которые могут пролить свет на обычно скрытые стороны социальной практики. Почему-то они притягивают к себе внимание; и, как мы уже убедились, речь идет не только о праздном любопытстве исследователя. Уникальные случаи медика Жана Лестеля и Дени Ле Ру, о которых шла речь в

первом параграфе, вскрывают побудительные мотивы, двигавшие значительной частью дарителей. Косноязычное красноречие виноградарей из Шабли, помноженное на неопытность провинциального письмоводителя, оказывается драгоценной амальгамой для реконструкции представлений о ценности университетского образования. А чего стоят лишь напыщенная фраза провинциального юриста о «плоде знания» или проговорка о проникновении в мир «людей знания»! И, наконец, именно исключительный казус Жана Окока послужил отправной точкой для нашего этюда о старости, где наиболее информативными для нас были исключительные случаи, такие как случаи Кристофа Криспена.

Но для того, чтобы понять, насколько исключителен казус того же Жана Окока (это единственный из крестьян, доверившийся постороннему человеку, к тому же без подробной мотивации причин своего дарения, получавший одну из самых солидных сумм на личные нужды), следует поставить его в контекст других подобных актов, выстроить типологический ряд.

Как соотносятся «из ряда вон выходящие» люди с тем самым рядом, из которого они выходят? На чем основано наше убеждение о взаимной информативности этих двух «составляющих» (ряд—отклонение)? Что стоит за этими исключениями из правил? Ответить на этот вопрос мы попытаемся в следующей главе, но уже на основании иной источниковой базы.